

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН**

**СЕРГЕЙ ФРУМКИН
ПРОГРАММИСТ**

Сергей Аркадьевич Фрумкин

Программист

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=263762

Аннотация

«Вначале было слово...». «Слово» – единица измерения информации...

Но... только ли «вначале»? И только ли «было»?

Самое ближайшее будущее. Москва. Молодой человек заканчивает ВУЗ по специальности «нейропрограммирование». Трудоустройство обещает ему сказочные перспективы успешной и обеспеченной жизни. Но выясняется, что не все то золото, что блестит, и не все знания приносят пользу...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	36
Глава 4	67
Глава 5	81
Глава 6	104
Глава 7	127
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Сергей Фрумкин

Программист

От автора:

В книге делается и обосновывается предположение: наш мир составлен не из материи и энергии, а из набора словесных и цифровых описаний. А описания, в нарушение всех законов материального мира, можно менять, не прикладывая к ним физической силы.

Поднимается два вопроса. Первый: что, если эта правда уже известна некоторому кругу людей? И второй: кем может стать человек, с самого рождения игнорирующий привычную нам систему материальных ценностей?

Часть первая

Посвященные

Глава 1

Стас посмотрел сквозь условие задачи на банку с кофе. Виртуальные страницы с уже готовым решением «ушли» в сторону, освобождая пространство для обзора и позволяя передохнуть уставшим от подвижных картинок и разноцветных букв и цифр глазам.

Уже несколько часов молодой человек сидел неподвижно на диване у себя в комнате. Родители ушли еще утром и намеренно не спешили возвращаться, чтобы не мешать сыну в столь важный для него момент жизни. За окнами опускался вечер. В доме было пусто и тихо...

Стасу оставалось поставить последнюю точку: подтвердить невидимому арбитру, что отправляет задание на проверку. Стоило перевести дух, а затем еще раз пройтись по схеме решения от начала и до конца...

Молодой человек потянулся к стоящей перед ним на столике банке. Кофе можно было сварить самому, но у уличных автоматов получалось не хуже, а одноразовая тара держала температуру еще часа три после «вскрытия». Стас сде-

лал большой глоток, наслаждаясь ударившим в нос терпким ароматом и возвращающим к реальности жаром. Посмотрел время – с начала экзамена прошло почти четыре часа. Вроде бы, он справился без осечек. Попробовал пробежать в памяти по последовательности пройденных тестов – бесполезно, в нервном напряжении задачи проглатывались, начисто затираясь последующими.

Что ж, что сделано, то сделано. Даже эту, последнюю задачу про колеблющийся маятник стоило оставить, как есть. Ну, признают ход мыслей не оптимальным, отнимут бал – на общей картине это не скажется – балом больше, балом меньше. Куда опаснее наломать дров, позволяя сомнениям перерасти в панику – тогда в считанные минуты можно наделать таких исправлений, что сам черт не разберется, откуда, чего, зачем...

– Все! – Сделав еще один долгий глоток кофе, молодой человек принял окончательное решение. Отыскав взглядом отодвинутые в нижний угол очков страницы, он «развернул» их перед собой и объявил программе теста: «расчет завершен!». Затем решительно отключился от Сети, скинул с глаз очки нэтфона, бросил их на стол и обессилено рухнул на спинку дивана.

Теперь оставалось ждать результатов... Стас отогнал мысль, требовавшую немедленных действий – ему лучше бы не подогревать нервного напряжения. В Сети делать нечего. Он запрещает себе думать, запрещает обсуждать с кем-то

свои сомнения, запрещает себе делать прогнозы. Когда подсчитают баллы, позвонят сами. Когда завершится аукцион на университетской бирже, объявятся, найдут и поздравят...

Стас прислушался к своим эмоциям. Удовлетворения он не испытывал. Тест прошел быстро, оставив неприятный осадок некой незавершенности. Сейчас казалось, что пяти десятков вопросов на интуицию, сообразительность, логику и знания явно не доставало, чтобы раз и навсегда решить судьбу человека. Четыре года напряженного каждодневного труда завершались банальным опросом, в котором случайность и везение играли не меньшую роль, чем знания и талант будущего специалиста по нейропрограммированию и математическому анализу...

Впрочем, вполне закономерно, что все происходило так, как происходило. Интерактивный курс завершался интерактивным тестом. Дома на диване Стас прошел обучение, дома на диване он сдал экзамен. Институты, в которых «живые» преподаватели читали лекции «живым» студентам, ушли в прошлое. Одни программы, в соответствии со способностями абитуриента, помогали ему выбрать учебное заведение, другие, за некоторую плату, открывали дверь к знаниям и навыкам.

Как и другие его сверстники, Стас не мучился выбором жизненного пути – в свое время, по окончании базового (школьного) учебного курса, ему порекомендовали университетский курс аналитика-программиста. Когда он обратил-

ся на университетский сайт, там, по итогам вступительных тестов, посоветовали усложнить задачу, избрав «нейро» специализацию. Согласие Стаса стоило ему четырех лет обучения вместо двух или трех, как на параллельных факультетах, а родителям – более весомой суммы, затребованной за «индивидуальный курс повышенной сложности». Но зато и перспективы трудоустройства отличались в лучшую сторону: специалистов по нейропрограммированию было мало, их готовили единичные университеты и всего по несколько человек в год, а недостаток специалистов повышал на них цену.

«Цену» в прямом смысле слова: по окончании учебного курса выпускников выставляли на торги – ВУЗы проводили аукционы, приглашая к участию все заинтересованные в молодых кадрах предприятия мира. Десять процентов от цены за лот возвращались выпускнику, остальные оседали в «закромах» учебного заведения. Таким образом, там, где не срабатывали карьеризм, целеустремленность и воля к победе, включался банальный финансовый интерес. Студент был заинтересован показать на выпускном экзамене высокий уровень подготовки, а ВУЗ – отыскать для выпускника наиболее достойного (богатого) работодателя.

Учеба по выбранной специализации обошлась Стасу дороже, но и возратить ему могли больше. В прошлом году за «головы» двух старших товарищей – друзей по университетскому форуму – дали столько, что Стас не просто вернул бы родителям одолженные ими деньги, но и обзавел-

ся неплохим стартовым капиталом. И у него были все основания ожидать такой же оценки: на графике успеваемости по итогам четырех лет молодой человек занимал лидирующую позицию.

К сожалению, чтобы сказать: «меня ждут большие деньги», хорошо учиться было недостаточно – выпускной аукцион представлял собой уравнение со многими неизвестными. Стартовую сумму лота определяли и успеваемость студента на протяжении четырех лет, и оценка, полученная им на выпускном экзамене, и особые достижения, проявленные в отдельных дисциплинах, и – что самое главное – потребность рынка.

Сколько заказчиков примет участие в торгах? Что для этих людей важнее: быстрота принятия решений при ответе на вопросы, умение выбрать наиболее оптимальный алгоритм расчета, изящность логики, глубина мысли, интуиция, острота ума? В одной отрасли ценились терпение и трудолюбие, в другой – решительность и быстрота реакции, в третьей – талант и способность сотворить нечто новое...

Впрочем, думать-то теперь ему было поздно. Рулетка судьбы крутилась – Стасу оставалось только скрестить на удачу пальцы и смиренно ждать результатов. Он обещал родителям пополнить бюджет семьи. Он мечтал работать в процветающей транснациональной корпорации. Он сделал все, что должен был сделать. Больше от него ничего не зависело...

Неожиданно заигравший туше нэтфон заставил Стаса подскочить на диване и оторваться от борьбы с мыслями.

– Так быстро? – молодой человек поспешно закрыл глаза очками, соображая, что могло бы пойти в нарушение стандартной схемы.

В воздухе мерцало сообщение: «Экзамен успешно пройден». Ни оценки, ни комментарии, ни позиции в списке отличившихся. И никакой информации о нанимателях. Очки оставались чистыми – сквозь стекла фоном просвечивала комната Стаса. Молодой человек даже не сразу понял, что ему предлагают связаться с деканом факультета: ссылка помещалась в самом низу видимой зоны и не настаивала на немедленной активизации.

Стасу хотелось узнать подробности – разумеется, он поспешил инициировать связь с ВУЗом.

Декан появился через секунду – очевидно, ждал звонка, понимая, что студент не сумеет справиться с любопытством. Пожилой профессор сидел за столом в некоем офисе, в котором Стас никогда не был и которого никогда не видел. Офис мог быть как реальным, так и внушаемым, профессор – тоже. Время, когда глазам верили как себе, кануло в лета...

– Вы хотели меня видеть? – чтобы с чего-то начать, спросил Стас.

Губы декана тронула улыбка, а в глазах осталось равнодушие. Голос не выдал ни одного человеческого чувства:

– Хотел вас поздравить. Блестяще справились.

Стас в очередной раз подумал, что человеку, неспособному к сопереживанию, нужно было задать в личных настройках коррекцию мимики – если не из уважения к студентам, то хотя бы из вежливости. Видимо, декан – «человек старой закалки» – не утруждал себя подобными глупостями.

– Мой билет проверили? – Стас сомневался, что они могли управиться так быстро. Общую оценку ставила программа теста – на это уходили секунды. Но цену лота определяли не по арифметической сумме баллов – анализом соотношения цена-качество занимались люди. А людям требовалось время.

– Да. У вас все в порядке.

Глядя в пустые глаза разработчика обучающей методики, Стас с удивлением понял, что может так и остаться в неведении – профессор не собирался делиться полученными впечатлениями.

– Насколько в порядке? Что мне поставили?

– Вам это не нужно.

Стас опешил – он готовился ко всему, только не к заявлению, что его судьба – не его дело.

– Как это?!

– Зачем вам выражать успех в числах? Не чья-то оценка определяет наше будущее. Важно, как мы сами себя оцениваем.

– Но на аукционе...

– А-а-а? Вы знаете об аукционе?

– О нем все знают...

– Понятно. – Декан неодобрительно покачал головой. –

Тогда мой вам совет, молодой человек: никогда не пользуйтесь информацией, адресованной кому-то другому. Аукцион – это не для студентов, это для преподавателей. Это наша задача найти вам достойное место работы. Ваша – оправдать ожидания нанимателя. Как и кого мы подберем, каким образом это юридическое лицо выйдет на нас, а затем на вас – поверьте, не вашего ума дело. Живите себе в удовольствие, не портите почем зря нервную систему!

Стас попытался осмыслить, что именно ему сейчас сказали.

– То есть, аукциона не будет, так?

– Вы плохо слушаете, молодой человек?

– Так он будет?

– Я же вам сказал: это не суть важно!

– Не суть... – Стас вдруг очнулся. – А мои десять процентов?!

Декан словно только теперь вспомнил, что в реальном мире людей беспокоят не только высшие материи. Его лицо удивленно вытянулось.

– Вы хотите получить назад плату за образование? – не понял профессор.

– А почему нет?! Я лидировал на протяжении всего курса! Мои друзья...

– Пойдите! Вы хотите сказать, что вам задолжали?! Станислав Александрович, для вас разве не очевидно, что за информацию нужно платить?! Вы зачем обратились к нам четыре года назад: за знаниями или за деньгами?!

Стас глубоко вздохнул, чтобы справиться с гневом – на повышенных тонах он все равно бы ничего не добился. А добиться очень хотелось.

– Я подписывал контракт, профессор! – беря себя в руки, напомнил молодой человек. – Там говорилось о возврате учащемуся десяти процентов суммы, вырученной ВУЗом от нанимателя.

– А о порядке взаиморасчетов ВУЗа и нанимателя вы там тоже читали?

– Нет, но...

– И вы именно там прочли об аукционе? – Декан поднял брови и посмотрел в глаза выпускнику полным разочарования взглядом, от которого у юноши по коже побежали мурашки.

– Разумеется, нет! – заключил он. – В контракте никогда не было ничего подобного. Университет обязан дать вам знания, за которые вы ему платите. А также трудоустроить вас, в соответствии с тем, как вы усвоили предоставленные вам знания. Взимаемая с нанимателя плата – гарант для студента, а не источник дохода для него или ВУЗа. Пояснить? Чем больше заплатит за выпускника наниматель, тем большим уважением и вниманием окружит своего нового сотрудни-

ка. Когда же репутация работодателя сама по себе гарант, мы можем поступиться финансовыми интересами... Да, вы правы, аукционы действительно проводятся – они помогают ВУЗу привлечь к каждому выпускнику более одного нанимателя и отобрать из нескольких кандидатов наиболее на наш взгляд приемлемого... Но в вашем случае, Станислав, этого не потребовалось.

– Но почему?!

Декан развел руками:

– Потому, что с вами мы определились еще задолго до выпускного экзамена.

– Я ничего не понял! – сдаваясь, признался Стас. – Вы нашли мне место работы, не выставляя меня на аукционе?

– Так, именно.

– Но ведь это же дискриминация, разве нет? За других студентов будут бороться!

– Знаете что, Станислав? – тон декана смягчился – преподаватель решил пойти на мировую. – Не торопитесь с выводами! Потерпите день-два – сможете судить сами. Завтра или послезавтра вас пригласят на собеседование. Если пройдете его так же уверенно, как сегодня сдали экзамен...

– Собеседование?! Еще и собеседование?! – Стас буквально задрожал от обиды. Он с трудом сдержался, чтобы не выпалить, что на самом деле думает о порядочности университетской администрации. – Мой работодатель не только не платит за высококвалифицированных работников, но еще

и пренебрегает ими?!

– Станислав Александрович! – повышая голос, поинтересовался декан. – Не много ли вы на себя берете?! Хотите сказать, что мы в вас ошиблись? Вам не интересно добиться максимума, вы предпочитаете быть как все?

В вопросе-утверждении прозвучала нотка, заставившая молодого человека насторожиться:

– А все еще можно исправить?

– Конечно! Почему нет? Мы сообщим работодателю, что вам не хватило смелости. Найдем вам другого, с помощью открытых торгов, или как-то иначе... Но вы уверены, что желаете отказаться? Не тратьте мое время, да или нет?

Такой очевидный психологический трюк был недостоин выпускника кафедры – несмотря на всю напряженность момента, Стас улыбнулся:

– Имитация свободы выбора, да, профессор?

– Ну почему же «имитация»? – Декан тоже успокоился, чем дал понять, что только изображал возмущение.

– Пока мне навязывают чужое мнение, я сопротивляюсь. Как только окажусь перед выбором, пойму, что не могу его сделать.

– А на самом деле вы можете?

– Сделать выбор? Если бы мог, вы бы не рисковали, правильно? Я побоюсь лишиться себя перспективы. И ничего не знаю о найденном вами работодателе.

– Согласен. Все верно. И ваше решение?

Стас развел руками:

– Ну... Мне придется довериться университету.

Профессор кивнул:

– Тем более, что вы это уже сделали четыре года назад... –

Взгляд ученого сразу же стал отрешенным – спор закончился и декан посчитал тему Стаса закрытой. – Но не волнуйтесь, Станислав Александрович: у вас не будет причин жалеть о своем согласии. Вы хорошо поработали. Теперь соберете хороший урожай... Ваш работодатель свяжется с вами завтра или послезавтра. Потерпите два дня. Спасибо вам за выбор нашего университета! И успехов в профессиональной карьере!

Глава 2

Стас, Дима и Вика договорились «списаться» сразу после объявления результатов экзамена.

Все трое учились в одно и то же время, на одном и том же факультете одного и того же ВУЗа, что, впрочем, не гарантировало, что они должны стать друзьями или даже просто узнать друг о друге. Домашнее обучение не навязывало новых знакомых. Учащихся сводил университетский сетевой форум – ресурс, где спрашивали совета, собирали сплетни, обменивались впечатлениями, помогали с курсовыми работами. Рано или поздно там объявлялся каждый студент с первого по четвертый курс. Заходили и бывшие выпускники, ностальгирующие по утраченной молодости – рассказывали о своих достижениях, о перспективах удачного или неудачного трудоустройства. Форум поставлял информацию, на которую скупилась администрация ВУЗа: как избежать неприятностей и стычек с руководством, как правильно оценить ту или иную ситуацию, как верней добиться успеха на открывающейся карьерной лестнице.

Стас, Дима и Вика обратили внимание друг на друга, как на конкурентов за первую позицию в таблице успеваемости; позже – как на собеседников, с которыми легко найти общую тему и можно поднять вопросы, кажущиеся другим неподъемно заумными или скучными. Наступил момент, ко-

гда они поняли, что сошлись достаточно близко, чтобы назначить место и время свидания, после чего встречи на форуме сменились «живым» контактом: совместным посещением клубов, дискотек и спортивных комплексов.

Сегодня для очередного сбора компании намечался особый повод: все трое допустились до экзамена в один день и, по договоренности друг с другом, затребовали экзаменационный билет в одно и то же время. Такой «синхронный старт» позволял им сделать ставки (студенческая забава): кто раньше справится, кого выше оценят, за кого больше заплатят...

Стас вышел из игры первым – чтобы получить законный выигрыш, ему достаточно было сообщить друзьям об окончании теста. Но молодой человек чуть было не забыл о пари – ему потребовалось время, чтобы осмыслить, что испытание, которого он так ждал и боялся, и в самом деле закончилось. Закончилось, не ответив ни на один из мучавших Стаса вопросов. Выпускник все так же не знал, вернут ли ему потраченные на учебу деньги, не знал, на кого придется работать, не знал даже, возьмут ли его на работу или возвратят ВУЗу: «ЕСЛИ пройдешь собеседование»).

Лишь минут через двадцать после разрыва соединения с деканом молодой человек опомнился и сказал программе почтовых сообщений: «Диме и Вике – я готов!». Да, ему никого не хотелось видеть, не понятно было, что праздновать, но договорились втроем, значит втроем. Зачем срывать друзьям планы?

Прошел целый час, и только тогда пришло подтверждение от Димы: он тоже освободился. Вика и вовсе отозвалась к половине двенадцатого.

Было поздно, все трое очень устали, но, к огорчению Стаса, решили не переносить встречу на завтра. Посетив сайт любимого ночного клуба, определившись с местами и отдельным столиком, выпускники вызвали такси и через сорок минут уже сидели в отдельной ложе одного из популярных развлекательных заведений города.

Разговор завели не сразу – какое-то время ребята изучали друг друга, надеясь без слов понять, кто пожнет лавры победителя, а кто окажется в аутсайдерах. Вика – высокая шатенка с хорошей спортивной фигурой и всегда пылающим от непонятных никому кроме нее самой идей взглядом – казалась рассеянной. Можно было предположить, что выбор университета пришелся девушке не по нраву или, что, собираясь на встречу, она порвала любимую блузку или сломала ноготь. Дима – рослый, темноволосый, статный, с горделивым профилем и полным веры в себя немного нахальным взглядом – самодовольно улыбался, что тоже ни о чем не говорило: насмешливая улыбочка редко сходила с лица Димы. Стас – среднего роста, худощавый, с самой заурядной, ничем не выдающейся внешностью – выглядел бледнее обычного. Но наш герой всегда имел не слишком здоровый вид, а сегодня уж точно перенервничал перед экзаменом...

Осознав, что внешний осмотр ничего не даст, выпускники

очнулись и приступили к заказу угощения.

– Что пьем? – спросил Дима.

– Как обычно? – предположил Стас.

Вика покачала головой:

– Я – коктейль.

С минуту они «отсутствовали»: каждый вошел на сайт клуба, выбрал напиток и закуску, определил, когда и что ему принести. Каждый подтвердил наличие необходимой суммы на личном счете. Официантка появилась буквально через минуту – в этом заведении хорошо делали свою работу. У Димы оказался джин, у Стаса – водка, у Вики – украшенный сахаром, лимоном и зонтиком бокал с чем-то густым и разноцветным. Кроме того, на столе появились тоник, фрукты и мороженое.

Клуб жил своей жизнью. Сидя в ложе, гости могли смотреть на сцену, где грациозно изгибались танцовщицы, и откуда лилась ритмичная музыка, или изучать гостей в зале, которых с каждой минутой становилось все больше, но предпочли отгородиться ширмой – эта вечеринка касалась лишь их троих и никого больше. Ничто не должно было отвлекать молодых людей друг от друга и от зудящей в голове каждого важной темы.

Первым не выдержал Дима – видимо, чувствовал, что имеет наибольшие шансы урвать вторую и третью ставку.

– Ну, что? Начнем с дамы? – предложил он.

– С меня, так с меня. – Вика театральным жестом развела

руками: – Полный облом!

– Не может быть? – Стас усомнился, не делает ли в очередной раз подруга из мухи слона. – Ты и провалилась?

Вику этот вопрос взбесил. Видимо, притушенный по дороге в клуб пожар только ждал случая, чтобы разгореться с новой силой:

– Что за дебильный вопрос «провалилась?»! Такого ты обо мне мнения?!

– Ну, тогда в чем дело? – не удержался, чтобы не поддеть Дима.

– Я работаю на дому!

Парни переглянулись – по тону и виду подруги они уже предположили каторгу на галерах.

– На дому и что? – Стас сочувственно нахмурился, ожидая, что Вика продолжит, но та, очевидно, сообщила все, что хотела.

– А где, это уже детали, так? – понял Дима. – Главное, что «на дому»?

Вика покраснела и заморгала, борясь с желанием расплакаться. Диму ее поведение откровенно смешило. Стасу, напротив, было жаль подругу.

– Почти все, кого я знаю, работают вне офисов, – вспомнил Стас. – С высшим образованием, по крайней мере... Бытует мнение, что работать дома лучше, чем на производстве. Отправляешься куда-нибудь за город, лежишь на травке, надеваешь нэтфон и активизируешь рабочее место – зарабо-

тывай себе деньги без беготни, нервотрепки и придирок начальства...

– Вы что, и вправду не понимаете? – удивилась Вика. – Я надеялась на большой коллектив, на новых друзей, на новую жизнь!

– Ну... у тебя и будет новая жизнь... – поймав гневный взгляд подруги, Стас осекся.

– Зачем снимать офис, если все, что нужно для работы – нэтфон? – Дима только пожал плечами. – И что ты так бесишься? Зато больше заплатят. Чем меньше себестоимость, тем выше прибыль. Выше прибыль – солиднее фирма... И так далее и тому подобное. Нэтфон и виртуальное рабочее место – благо нашей цивилизации.

Вика замерла, уставившись на Диму с таким видом, словно тот ошарашил ее неслыханной глупостью.

– Неужели не понимаете?! – закричала она. – Мы же дичаем от этих нэтфонов! Мы все меньше похожи на людей! Мы не встречаемся, не общаемся, не разговариваем, не чувствуем, не слышим, не видим... Мы, как канарейки в клетках, чирикаем сами себе и воображаем, что до нашего «пения» хоть кому-то есть дело!

– А зачем так орать? – Дима указал на свои пострадавшие уши, а затем подсел ближе к Вике и с притворно-участливым выражением на лице подал бокал с коктейлем.

Вика автоматически приняла заботу и послушно отхлебнула, чем дала и себе, и друзьям мгновение передышки.

– Не согласен – людей тянет друг к другу. – Обдумав слова подружки, Стас решил продолжить тему. – Мы знакомимся через форум, но потом приходим сюда. Человек так устроен.

Дима нашел его мысль смешной:

– Ага! Так и устроен! Мы приходим сюда, чтобы выпить! Потому, что это – единственное занятие, которое еще не умеют делать в Сети! Когда мы отрываемся, то превращаемся в дикарей, а дикарям нужен контакт с такими же дикарями!

– А спорт? – вспомнил Стас.

– Ты еще спрашиваешь? – не поверил Дима. – Мышечная активность, выброс адреналина, желание растерзать противника – самые, что не на есть, звериные инстинкты!

Вика неожиданно задумалась и погрузилась – ее настроение менялось, как ветер в поле.

– М-да! – протянула девушка. – Может Дима и прав. Противно, но так похоже! В нас уже не осталось души. Одни крайности. Либо астральные тела, существующие вне материального мира, либо животные, которым нужно реализовать первобытные потребности...

– А как на счет любви? – Стас всегда готов был оспорить теорию о деградации мира.

– Это другое. Это не коллектив. Это всего лишь двое, которые так же одиноки и заперты в четырех стенах. – Вика вздохнула, давая понять, что не раз размышляла на эту тему и знает, о чем говорит: – А что такое любовь, Станислав? Кто-то сейчас знакомится на улице? Кто-то влюбля-

ется с первого взгляда? Кто-то совершает безумные поступки? С помощью одной программы мы определяем, чего хотим, с помощью другой подбираем кандидатов, с помощью третьей долго переписываемся с ними на расстоянии и идем на контакт лишь, когда уже не останется места ни риску, ни подвигу, ни романтике.

– Ну и что? – не понял Дима. – Что здесь плохого? Опять же: эволюция отношений. Сколько людей «сжигало жизнь на костре неразделенной любви», как говорил поэт? Скажу от себя: «ничто так не подрывает здоровье, как неудачные эксперименты на личном фронте». – Дима хохотнул.

– Циник! – осудила Вика.

– Согласен! – поддержал Стас.

– Ладно, вернемся к нашим баранам. – Дима потянулся, лениво улыбнувшись, чтобы показать, что низкая оценка друзей абсолютно его не трогает. – Значит, Вика стала сотрудником некой виртуальной компании...

– Аналитиком, – уточнила девушка.

– Аналитиком в... – подтолкнул Дима.

– В «Центре изучения общественного мнения»... Пока все, что я о них знаю.

– И еще не довольна? – не понял Дима. – Разве не ты жаждала повлиять на умы миллионов? Разве не тебя всегда беспокоило, куда катиться наше общество?

– Но не сидя же дома! – вновь вспыхивая, крикнула Вика.

– Ок! – Дима поднял руку, требуя остановки. – По десятибалльной шкале оцениваешь свой успех в...?

Вика медленно выдохнула.

– В семь.

– Принято. – Дима, наконец, перевел взгляд на друга. – Стас? Твоя очередь!

Понимая, что все равно придется говорить на эту тему, Стас выложил все как есть:

– Мне даже не сказали, куда. Пообещали «допустить к собеседованию». Вот, мол, если пройдешь... Похоже, здесь я аутсайдер.

Дима сощурился и, с видом погружающегося в пучины мыслей мудреца, потянул свой джин.

– Это вряд ли, – глубокомысленно изрек он. – Люди платят деньги, а потом еще сомневаются. Попахивает конторой, которой некуда девать прибыль. Тебе сто пудов повезло!

– А кто сказал, что они платят? – не понял Стас.

– Я говорю. ВУЗ за так ни одного бездаря не отпустит. А такого гения, как ты – тем более.

– Декан сказал: «если авторитет работодателя не нуждается в подтверждении, можно без денег.» – возразил Стас.

Дима улыбнулся наивности друга:

– И ты поверил?

– Какая разница во что я верю? – не понял Стас. – Мне прямым текстом сказали, что оставляют без десяти процентов!

– Еще один паникер! – отметил Дима. – Ну и компания у нас... В общем слушай: пройдешь собеседование, устроишься на работу, потом обратишься в деканат с письменным требованием – отдадут, никуда не денутся. Если что, вместе подумаем, как прижать. С отцом поговорю...

Только не дойдет до этого. Сам увидишь! Есть причины, потому и мутят чего-то. Возможно, работодатель попался капризный – не хочет, чтобы про его вакансии узнали конкуренты. А в университете не хотят делить шкуру неубитого медведя, пока работодатель не определился, возьмет тебя или откажется.

Несмотря на то, что друг любил блеснуть познаниями в областях, в которых не ориентировался, Стас почувствовал себя лучше.

– Подытожим, – подвел черту Дима. – Куда устроился, ты не знаешь и по десятибалльной шкале не оценишь?

– Никак, – признал Стас.

– Плохо! – рассудил Дима. – Вот и заключай пари с такими обормотами!

– А ты, конечно же, в компанию отца? – с некоторой ехидцей в голосе поинтересовалась Вика.

– Разумеется. – Дима сразу же снял с лица насмешливое выражение – к своему собственному будущему он относился весьма серьезно.

– И аукциона не было? – улыбнулся Стас.

– Был. Папа сказал: «будешь как все». Правда заявку

все равно подал, а потом и цену перебил...

Дима ухмыльнулся:

– Не знаю: может, хотел мне так денег подбросить?

– Тогда, за тебя! – Стас поднял рюмку и посмотрел на Вика, приглашая поддержать тост. – За того единственного из нас, кто уже сейчас уверен в завтрашнем дне!

Они чокнулись и выпили. Стас – залпом, Вика и Дима – в несколько глотков.

– Но вы особо не завидуйте! – посоветовал Дима. – Работать с отцом та еще радость – буду вкалывать до седьмого пота. Он у меня человек суровый.

– Зато «Международный департамент по борьбе с сетевым терроризмом» – как звучит! – подмигивая Стасу, улыбнулась Вика.

– Так я же не жалуюсь! – Дима пожал плечами. – Ловить хакеров интереснее, чем писать программы – азарта больше, адреналин, динамика... Потом, льготы разные... Я доволен. Говорю просто, что завидовать нечему – это кому что нравится.

– Значит еще раз за тебя? – подмигнула Вика.

– Теперь за нас!

Обменявшись сведениями, они смогли, наконец, расслабиться. Определить победителя не получилось – никто так и не понял, считать Стаса лучшим или записать ему поражение, но все трое шагнули во взрослую жизнь – несомненный факт, заслуживающий, чтобы его прочувствовали и запом-

нили. Алкоголь постепенно избавлял от ненужных мыслей, музыка настраивала на меланхолический лад, а игра света на стенах поднимала настроение...

– Пстой, а я думала, что сегодня не так! – неожиданно оживилась Вика. Она смотрела на Диму. – Ты сейчас без нэтфона?!

– Он не только в нэтфоне, но и в Сети! – Стас усмехнулся невнимательности подруги. – Забыла, как сам заказывал выпивку?

Вика наклонилась к Диме и внимательно заглянула тому в глаза. Дима, не ожидавший, что его будут рассматривать, как любопытный предмет, инстинктивно отодвинулся.

– Контактные линзы? – не поверила Вика. – Не может быть!

– Может! – Дима самодовольно заулыбался. – «Dream of the spy». Крутая штука. Отец дал попробовать.

– Вы меня дурачите? – Вика обернулась к Стасу. – Его глаза – они смотрят на нас и не видят ничего, кроме нас!

– Не обязательно. – Стас как всегда был самым осведомленным в их тройке по части технических новинок и получил повод продемонстрировать свою эрудицию: – Ты видишь не глаза, а картинку. У «Dream of the spy» есть функция «утаи мысли». Линзы или стекла снаружи – маленькие экраны. Изнутри – те же очки нэтфона, только с более сложной программой формирования «удаленного фокуса» – расстояния между глазом и экраном ведь нету вовсе – зра-

чок смотрит через пленку, фокусируясь на удаленном тексте. А снаружи встроенное ПО рисует «чистый глаз» и приводит в движение зрачок по одной из нескольких программ: «мудрец», «весельчак», «весь во внимании» и... так далее. При этом положение настоящего зрачка тоже отслеживается – обман должен выглядеть натурально... Технология достаточно сложная – я до конца так и не разобрался. Но почитать было интересно: до чего только прогресс доходит!

Вика еще раз посмотрела на Диму. Теперь ее лицо скривилось от отвращения. Не ожидавший такой реакции Дима не удержался от хохота. А потом с гордостью забросил за уши свои длинные темные волосы – в каждом ухе оказался малюсенький передатчик.

– Забавная игрушка! – с видом знатока похвалил Стас. – Управление и приемник биотоков располагаются в ушах. На линзах в уголках глаз приемопередатчик и малюсенький элемент питания. Если присмотреться, они видны. Да и сами линзы толстые – говорят, модель еще сыровата.

– Не знаю, – возразил Дима. – Мне нравится. Посмотри вон на Вику!

Вика все еще мотала головой с ошеломленным видом.

– Мерзость! – прокомментировала девушка. – Они эти нэтфоны скоро в черепную коробку закрутят! Родился – получай передатчик!

– Такие уже есть, – вспомнил Стас. – Уже несколько лет, как есть. Но не прижились. У них качество картинки лучше,

вес меньше...

– Что значит «лучше»? – не поняла Вика. – Откуда в них вообще картинка?

– Воздействуют непосредственно на зрительный и слуховой нервы. Изображение и звук формируются в виде электрических импульсов наподобие тех, что поступают от сетчатки и барабанной перепонки – если верить пресс-релизам, цвета, четкость и чистота звука непередаваемые.

– Ужас какой-то! – испугалась девушка.

Дима заулыбался, а Стас пожал плечами:

– Потому мы их и не носим. И не будем носить. Психология: нам нужна свобода выбора. Пока мы думаем, что очки можно снять, мы считаем, что не зависим от очков.

– Да при чем здесь «будем», «не будем»?! – выпалила Вика. – Помещать в мозг человека передающее устройство – это безумие! Это омерзительно!

– Смотря, как на это смотреть. Если думать, что людей превращают в роботов – хочется протестовать. Если же представить, что у нас появляются новые органы чувств, делающие нас совершеннее – почему не сказать спасибо?

– Ценой чего совершеннее?!

– Если очки можно снять – мы хозяева очков, если нельзя – они наши хозяева, – поддержал Дима. – А на самом деле ничего не меняется. Можем, но не снимаем. Знаем, что можем, вот нам и спокойно. Здесь Стас прав: психология. Люди примитивны и предсказуемы, как утюги.

– Какие вы оба умные! – ужасаясь своими друзьями, неодобрительно покачала головой Вика.

– Нэтфон – очень хорошая штука! – довольный тем, что произвел фурор, продолжил разглагольствовать Дима. – Любой. Меня скорее удивляет, почему его не создали лет на пятьдесят раньше. Но это уже история. В конце двадцатого века были телефоны, телевизоры и компьютеры. Телефон использовали, чтобы передавать на расстояние разговоры. Телевизоры – чтобы принимать видеоизображение. Компьютеры – как персональное рабочее место. Потом компьютеры соединили между собой, образовав единое информационное пространство, а телефон потерял провод и превратился в самую популярную игрушку. В поиске, чем привлечь покупателя, производители добавляли в нее разные функции: фото-видео камеры, радиоприемники, проигрыватели музыкальных или видео записей. Экраны делали все больше, звук и картинку – все реалистичнее. В результате, телефоны превращались в компьютеры, которые подключались к Сети посредством той же сотовой связи. Соответственно и программы все реже писались для мощных персональных станций – все чаще для Сети, где маленький и слабый компьютер играл роль скорее экрана, чем вычислителя...

Потом все телекоммуникации объединили в одну: радио, телевидение, удаленная связь и телефонные разговоры перебрались в Глобальную Сеть, некогда именовавшуюся Интернетом. А единственным устройством связи человек-ин-

формационное пространство должен был стать сотовый телефон, как самое распространенное персональное мультимедиа устройство. Но тот еще не был готов. Большой экран увеличивал размеры телефона, а маленький заставлял напрягать зрение. Портативная клавиатура не давала полноценного управления программами, а стандартная не влезала в карман.

И выход нашелся. Чтобы не увеличивать экраны, их приблизили к глазам и разместили на внутренней поверхности обычных очков (от солнца или для коррекции зрения – без разницы). Естественно, наушники оказались на душках. Там же поставили элемент, считывающий биотоки – кто-то вспомнил, что мы не только говорим, но и думаем словами, а мысли, проговариваемые с закрытым ртом – уже не разряды в мозгу, а вибрации во рту и гортани. Биотоки, вызывающие эти вибрации, можно было снимать и обрабатывать, как текст или команды. Осталось написать соответствующее программное обеспечение и объяснить людям, что отдавать программам приказы или разговаривать «про себя» нужно «внятно».

И... мир изменился! Очки подключили к сети посредством той же сотовой связи, каждому владельцу очков прописали сетевой адрес... Вуаля! Все население земного шара реально в едином информационном пространстве!

Дальнейшее развитие – дело техники. В ход пошли всякие «вкусности». Очки сделали прилегающими к глазницам,

чтобы защитить глаза и внутренние экраны от пыли. В базовое ПО очков ввели функции разгрузки, тренировки зрения, защиты от яркого света, ночное видение, коррекцию близорукости и дальнозоркости, запись фото и видео, приближение удаленных объектов, навигацию, переводчик с нескольких языков, информационную поддержку (а что это я сейчас увидел?) – в общем, все, что только смогли придумать. Хочешь посмотреть фильм или клип, хочешь узнать новости, познакомиться с шикарной крошкой или поработать на самом современном программном комплексе – круглые сутки: «всегда, пожалуйста!». Ну, не бесплатно, конечно. За каждое подключение списывают немного с твоего счета, но, когда пользователей миллиарды, цены становятся такими смешными, что говорить не о чем – не жалко. Мы даже не задумываемся, сколько и когда платим. А, если пользоваться с умом, обращая внимание на рекламные объявления, конкурсы и возможности подработки, так еще и поднимешься. Главное – чтобы очки оказались на своем месте, то есть на переносице. А где же им еще быть – глаза дороги, их беречь нужно!

Короче, Вика, не знаю, каким спасителем человечества ты себя возомнила – нэтфон – это будущее сегодня! Как люди жили без этой штуки – вот, где загадка. А если прогресс пойдет дальше, я буду первым, кто испробует его на себе. Пробовал, пробую, и буду пробовать. Ты предпочла бы охотиться на мамонтов, а мне по душе наше время!

– Маньяк! – Вика покрутила у виска пальцем.

– Ага, «Остапа понесло»... – Стас театрально похлопал в ладоши. – Bravo! Прекрасная лекция! Вы открыли нам глаза, профессор!

– Да, пожалуйста! – улыбнулся Дима. – Всегда рад про-светить несмышленьшей. Теперь закрепим материал? Еще раз послушаете?

– Теперь ты послушай! – выпалила Вика. – Нэтфон – самое большое зло, которое только можно себе представить! Прибор, который закрыл нам глаза на реальный мир! Превратил людей в роботов, в безропотные и бесчувственные машины, которые только и делают, что вырабатывают ресурс – без стремлений, без идеалов, без подвигов...

Воодушевляясь от нахлынувших благородных чувств, де-вушка вдруг бросила взгляд на Стаса и осеклась:

– А ты-то, что улыбаешься?!

– Да так... Удивляюсь, как ты сама пользуешься нэтфо-ном? – не ожидавший, что Вика так резко переключиться на него, Стас развел руками. – Что у тебя сейчас на глазах?

Вика покраснела:

– Пользуюсь, потому, что не хочу быть белой вороной!! Потому, что приходится!! Потому, что я – молодая и при-влекательная, и не должна отставать от моды!! Потому, что без нэтфона меня не поймут и не услышат, ясно! А еще по-тому, что глаза дороги – они у меня красивые – а простых очков от солнца уже не делают! Доволен?!

– Угу, – кивнул Дима. – Предположим, сейчас ночь – очки «от солнца» могла бы оставить дома... А на наш факультет ты как попала – с такими-то взглядами?

– Хотела изменить мир к лучшему! И понять, как именно нас дурачат!

Разговор грозил перерасти в драку. Стас первым почувствовал, что пора сбавлять обороты.

– Все, хватит, забыли! – остановил он. – Пришли отдыхать, отдыхаем! Других тем, что ли, нету? У меня тост. – Он поднялся и с торжественным видом высоко поднял рюмку: – «За дружбу! Пусть перемены в жизни не разрушат тройственного союза! Пусть наши встречи станут чаще, а уважение друг к другу – сильнее!»

– Принято, – нехотя согласилась Вика.

– Да куда мы денемся в подводной лодке? – логично рассудил Дима.

Глава 3

Нэтфон заиграл мелодию неопознанного вызова, когда Стас еще спал. Было одиннадцать часов утра. Стас заглянул в очки своего нэтфона.

– Станислав Александрович? – спросил незнакомый мужчина в дорогом костюме-тройке.

– Да, я, – признал Стас. – А вы?

– Ваш новый руководитель. Спускайтесь – у подъезда вас ждет машина!

– Какая машина?.. Ах да, собеседование... Но я не ждал вас так рано... Как это – у подъезда? Вы знаете, где я живу?.. А, ну да... – мысли в голове молодого человека путались. – А у меня есть время, чтобы собраться?

– Десять минут!

Стас снял нэтфон и протер глаза, стараясь поскорее прийти в сознание.

«Неплохое начало!..» – подумал он. – «Кто этот тип?.. Сотрудник отдела кадров? Приветливая секретарша?.. «Руководитель» – с лицом убийцы...»

Восстановив в памяти вчерашний вечер, Стас постарался оценить свое состояние. Голова не болела – очевидно, вчера подали хорошую водку, или, что тоже возможно, действовал надетый на кисть руки программатор. Не болела, но казалась чугунной – любые движения ею давались с трудом. Тоже

можно было сказать о руках и ногах – в них словно накачали свинца. Ногам досталось особенно – им вчера пришлось выплясывать несколько часов кряду. Они буквально стонали от предположения, что придется дойти до ванны, перспектива же выхода в город казалась совершенно фантастической. Мысли ворочались со скрипом ржавого колодца... Лучшее время, чтобы ехать знакомиться с работодателем!

Ему дали десять минут... За это время Стас успел облить лицо холодной водой и убедиться, что таблетка против роста волос на лице еще действует – щеки остались гладкими. Даже на утренний кофе времени не осталось – пришлось взять банку с собой, в надежде выпить его в дороге.

Отец был дома, но ничего не сказал, когда Стас прошел мимо – нэтфон закрывал глаза и уши инженера строительной компании – тот мог и не видеть сына, или видеть, но не отреагировать, занимаясь чем-то «более важным». Отец не любил, когда его отвлекали на виртуальном рабочем месте, да и самому Стасу не хотелось сейчас объясняться – парень вышел из дому молча, махнув рукой на случай, если его все же провожали взглядом.

Внизу в самом деле ждала машина. Сверкающая свежей полировкой, черного цвета, представительских размеров. Стас разбирался в автомобилях, но не узнал ни производителя, ни модели. Агрессивный дизайн, огромные колесные диски, выступающие, подобно сжатым мышцам, корпуса электромоторов – эдакая «зверюга» могла родиться только

в лабораториях грандов автомобилестроения и стоила очень приличных денег...

Задняя дверь открылась автоматически. Стас опустился в кресло. Кажущееся внутри больше, чем снаружи, помещение окружило выпускника роскошью, достойной королей или шейхов.

Сидящий впереди водитель был под стать автомобилю. В ослепительно белой рубашке, строгом черном костюме, внешне он скорее походил на телохранителя, чем на шофера – такие широкие плечи и толстую шею Стас видел только в боевиках или в рекламе всевозможных «стимуляторов».

Дверь лимузина мягко стала на свое место. К раздраженности и обеспокоенности Стаса прибавилась инстинктивная тревога из-за отсутствия в машине стекол. В самом факте не было ничего странного – когда электронный обзор пришел на смену оптическому, производители смогли отказаться от использования прозрачных материалов и изменили конструкцию кузова, поставив во главу угла не вид из салона, а жесткость на кручение, аэродинамическое сопротивление и пассивную безопасность. Удивило другое: нэтфон Стаса не только не определил «устройство автомобиль», но и вовсе потерял Сеть! Через очки молодой человек видел лишь обитые светлой кожей диваны, золоченые ручки дверей и ящичков, открытый бар с маленькими бутылочками и голову водителя. То есть со всех сторон его окружили непроницаемые стены!..

– С моим нэтфоном что-то случилось... – Стас еще не подозревал ничего плохого, просто пожаловался сам себе вслух. – Не могу найти Сеть...

Водитель чуть повернул голову – сам он был в очках с черными стеклами – видимо, его нэтфон работал:

– Кузов блокирует радиосигналы.

– Что?.. Но вы же сами видите, куда едете?

– Я подключен к машине. Но не в Сети.

– То есть вы управляете автомобилем сами? Автономно?

– Да.

– А это не опасно? Я слышал, незарегистрированный автомобиль может создать аварийную ситуацию!

– Не волнуйтесь: с вами ничего не случится.

На этом разговор закончился. Какое-то время Стас сидел в тишине едва покачивающегося салона, оглядываясь, словно зверь, которого заперли в клетке.

– А я могу подключиться тоже к машине? – наконец не выдержал он. – Жутко как-то сидеть в замкнутом помещении!

– У вас клаустрофобия? – уточнил водитель.

– Да! – Стас соврал – не важно, что о нем сейчас подумает этот тип. Главное как-то собраться с духом перед предстоящим собеседованием.

– Вам доступны развлекательные функции – посмотрите фильм или послушайте музыку.

– А выглянуть наружу нельзя?

– Нет.

Стас чувствовал, что его все сильнее начинает мутить. Странный «руководитель», незнакомая машина, здоровенный «шофер», заблокированный доступ в сеть... Происходящее походило на боевичное похищение. Если бы выпускник вуза представлял такую же ценность, как мэр города или губернатор края, Стас бы дал голову на отсечение, что его похитили...

– А почему я не могу видеть, куда мы едем? – все же набрался смелости уточнить он.

– Распоряжение начальника отдела безопасности.

– То есть, я не должен знать, где находится моя будущая работа?

– Пока не станете сотрудником фирмы.

– Но мне плохо!

– Это похмелье.

– А вы откуда знаете?

– В баре бутылка с этикеткой синего цвета. Выпейте – станет легче.

Бар производил впечатление шкатулки с драгоценностями – под крышкой из полированного красного дерева, в окружении зеркал и позолоты переливались под лучами подсветки трехсотграммовые бутылочки с незнакомыми напитками. Даже прикоснуться к этим атрибутам иной жизни было жутко, не то, что распорядиться их содержимым...

– Берите смело! – уловив нерешительность парня, посоветовал водитель. – Бар для пассажиров, а вы – пассажир.

Не хотите же предстать перед Артуром Николаевичем с таким помятым мозгом?

Стас взял бутылку с синей этикеткой. Прочитать ничего не смог – там красовались китайские иероглифы, а переводчик нэтфона (одна из программ в Сети), само собой не запускаясь.

– Нет, спасибо! Лучше мой кофе! – Стас вспомнил о взятой из дому банке, и, довольный от мысли, что не почувствует себя обязанным, вскрыл упаковку. Терпкий запах горячего напитка распространился по салону, уже одним напоминанием о себе проясняя мысли. – А кто это – Артур Николаевич?

– Зам генерального по кадровым вопросам.

Никаких подробностей. Не дождавшись продолжения, Стас пришел к выводу, что лучше до поры до времени придержать любопытство.

Он успел допить кофе – медленно, маленькими глотками – а машина все еще двигалась. Пробок в Москве не было уже лет десять, максимально разрешенную скорость по городу подняли до 150 километров в час – за прошедшие двадцать минут можно было удалиться от дома километров на пятьдесят. Но кто знает, ехали они за город или, наоборот, к центру? Машина мерно покачивалась, как большой корабль, повороты и торможение не ощущались – казалось, они все время двигались по прямой пустого шоссе...

– Прибыли! – совершенно неожиданно вдруг заявил во-

дитель. Покачивание сразу же прекратилось, а дверь ушла в сторону.

Стас высунулся наружу. Лимузин стоял на зеркальном полу в большом, ярко освещенном помещении. Пол так сверкал, что казалось кощунством въезжать сюда прямо с улицы. По одной стене помещения шел ряд дверей, в другой находились открытые сейчас ворота. За воротами – стены туннеля... И ни одной подсказки, где они: над или под землей, в Москве или за городом, в особняке с цветущим фасадом или на военной базе, окруженной колючей проволокой...

Но его уже ждали. Мужчина с выправкой кадрового военного, одетый в черный классический костюм, взмахом руки пригласил Стаса следовать за ним.

Стас подчинился. За одной из дверей зала обнаружилась кабина лифта – зеркальная, с мягким диваном, баром и хромированными перилами. У молодого человека и без того уже голова кружилась от всех этих аристократических изысков... Ему предложили войти внутрь, а сам провожатый остался снаружи. Двери закрылись. Кнопок Стас не нашел – очевидно, лифт управлялся дистанционно, с помощью нэтфона у кого-то на переносице. Вспомнив о своих очках, Стас еще раз убедился, что Сеть «вне зоны покрытия».

Понять, куда шла кабина – вверх или вниз – мог разве что ясновидящий: движение не создавало никаких ощущений. Стас слышал о таких лифтах – они могли путешествовать не только с этажа на этаж, но и от кабинета к кабинету,

то есть в горизонтальной плоскости... Впрочем, какая разница, куда шел лифт, если Стас все равно не имел ни малейших ориентиров в пространстве?

Когда кабина открылась, перед ним оказался короткий коридор, завершающийся одной единственной массивной дверью. В коридоре опять таки ждал мужчина в черном костюме. Такой же рослый и широкоплечий, как водитель и человек «с парковки».

– Проходите, пожалуйста! – Стаса предупредительно пропускали внутрь охраняемой комнаты. – Артур Николаевич примут вас!

По аналогии с предыдущими впечатлениями, Стас готовился шагнуть в пентхаус дорогого отеля. Но в кабинете начальника по кадрам все было сдержанно, просто и функционально. Серого цвета мебель казалась надежной, качественной, и... ничем не выдающейся.

Сидящий в кресле за большим столом заместитель директора тоже не выделялся на фоне своего кабинета. Средней комплекции. В зеленом джемпере и светлых брюках. На переносице – очки в золотой оправе в духе начала века. На вид – лет тридцать пять – сорок. Ничем не запоминающееся лицо производило бы приятное впечатление, если бы не острые, подвижные глаза, с самого начала кажущиеся подозрительными и хитрыми.

– Вы – Stanislaw Александрович? – начальник поднялся навстречу и даже протянул Стасу руку. – Проходите, приса-

живайтесь!

Стас послушался: пожал протягиваемую руку и сел в указанное кресло. От всех этих приготовлений и любезностей он начинал терять терпение.

– Стало быть, хотите у нас работать? – улыбнулся директор.

Стас не ожидал такого вопроса – это они хотели, чтобы он здесь работал.

– Наверное, да... А где это, «у вас»?

– Не забегайте вперед. Вы приехали на собеседование?

– Меня привезли на собеседование, – давая понять, что знает о своих правах, напомнил Стас.

Директор внимательно посмотрел на гостя поверх очков:

– Вам не понравилась секретность, с которой вас сюда доставили? Но такие у нас правила. Вы узнаете все, что вам нужно знать, но не раньше, чем мы решим, что подходим друг другу... Нэтфон снимите – здесь он вам не помощник.

– А почему?

– Потому, что институт заблокирован от внешних источников информации. У нас своя, внутренняя сеть, к которой вы пока не допущены. Ваш нэтфон не будет работать в этом здании.

Стас снял очки и в некотором замешательстве покрутил их в руках.

– Институт?

– Скажем так: место, где проводятся исследования.

– Но как вы работаете, если нет доступа к элементарному программному обеспечению?

– У нас есть собственные наработки. Глобальная сеть не защищена от проникновения взломщиков, а потеря информации для таких учреждений, как наше, чревато серьезными неприятностями... Но мы не будем отвлекаться: у меня не так много времени. Займемся вами... Вам удобно?

Реагируя на вопрос, Стас наконец осмотрел кресло, в котором оказался. Подлокотники завершались браслетами с электродами, а некая металлическая деталь в подголовнике холодила затылок.

– Электрический стул? – пошутил молодой человек.

– Да. Программистов развелось слишком много – мы покупаем у ВУЗов самых талантливых и поджариваем на этом стуле. – Директор ответил шуткой на шутку, но его глаза при этом смотрели холодно и внимательно, без тени веселья. – Положите кисти в кольца, а голову опустите на подголовник.

– Зачем?

– Буду следить за вашими биоритмами. Это поможет мне понять, что вы действительно знаете, а что просто выучили на память. Готовы? Приступим?

Стас в растерянности пожал плечами – он никогда не слышал, чтобы молодых специалистов обрабатывали, как подозреваемых на следствии.

– Вопрос первый: чем вы будете заниматься? – начал ди-

ректор.

– Я? – Стас опешил. – Я думал, вы мне это сообщите?

– Кто вы?

– Я? Программист. Нейропрограммист.

– А что значит: «нейро»?

– Вы хотите, чтобы я рассказал, чем нейропрограммирование отличается от обычного программирования? – не понял Стас.

– Да! Конечно! Что это за наука, какие применяются методы, какие изучаются дисциплины?

Стас почувствовал себя задетым.

– Я сдал экзамен. Неужели вы настолько не доверяете университетскому диплому, что боитесь, что выпускник может не знать основ своей профессии?

– Станислав, я нисколько не сомневаюсь, что вы ЗНАЕТЕ все, чему вас учили, – пояснил директор. – Просто мне не нужны ваши знания. Знания – информация, которую я могу почерпнуть из справочника. Я хочу видеть, КАК вы знаете, НАСКОЛЬКО вы знаете, ЧУВСТВУЕТЕ ли вы то, что знаете. И давайте на будущее договоримся: я спрашиваю – вы отвечаете. Наоборот не будем. Итак, что ВЫ понимаете под наукой «нейропрограммирования»?

Стас собрался с мыслями.

– Тогда... Во-первых: нейропрограммирование – это не наука, а практическая методика. Нейропрограммированием называют расчет, состоящий из трех этапов. На первом

этапе анализируется исходный объект. Составляется математическая модель, учитывающая все характеристики, подлежащие модификации, а также взаимосвязи, образованные при формировании данных характеристик. На втором этапе строится математическая модель объекта, который будет получен путем модификации. Учитываются условия, предоставленные постановщиком задачи. На третьем этапе разрабатывается непосредственно готовый продукт – программа, преобразующая исходный объект в желаемый результат.

– Угу... – Директор рассеянно кивнул. Его глаза смотрели непонятно куда – очевидно, следили не только за Стасом, но и за информацией о биоритмах тестируемого, которую выводили на внутреннюю поверхность стекол его нэтфона, стилизованного под очки для коррекции зрения. – Несколько сухо, но предположим... А какой из этапов наиболее важный?

– Все три важные.

– Скажем иначе: где требуется больше таланта, опыта, где легче проявить себя?

– Принято считать, что все три этапа равноценны. На первом нужны талант и опыт, чтобы подобрать необходимое, но достаточное число свойств объекта, принимаемых во внимание при построении модели. Потеря из вида какого-то свойства приведет к возникновению ошибок в расчете и делает неисполнимой задачу превращения исходного материала в описанный «техническими условиями». Лишние харак-

теристики, наоборот, усложнят расчет и не позволят подобрать оптимальный и наиболее эффективный алгоритм программирования.

На втором этапе важно определить, какие требования заказчик программы ставит на первое место, а какие не играют для него первостепенной роли. Модель-результат строится из исходной модели – нужно обладать определенным чутьем, чтобы построить модель, максимально близкую к исходной, но отвечающую всем требованиям «технических условий» заказчика. Если отличия исходной модели от конечной окажутся серьезными, процесс модификации потребует слишком много времени и может привести к разрушению объекта или к последствиям, не указанным в «технических условиях».

Третий этап является следствием двух первых – если правильно построены модели, разработка программы – тривиальная задача. Но и здесь опыт и талант программиста помогут выбрать самый короткий путь к результату. Кроме того, воздействовать на исходный объект можно сотней различных способов. Чутье программиста должно подсказать ему, какой именно способ следует применить в данном конкретном случае.

– Мда, Станислав Александрович! Вы чувствуете, что говорите, но этот язык... Попробуйте все же сказать по-русски! Что такое «объект»?

– Любая открытая информационная система.

Директор покачал головой:

– Нет, по-русски?

– Живое существо. Человек, например.

Артур Николаевич внимательно посмотрел на Стаса, словно хотел прочесть его мысли:

– То есть вы подменяете человека двумя схемами – моделями?

– Да. Но не всего человека, как личность, а выделенные характеристики и характеристики, взаимосвязанные с выделенными.

– А когда модели готовы, вы пишете программу для...

– Превращения исходной модели в конечную.

– То есть вы, Станислав, умеете программировать людей? Так?

– Человек – это программно-аппаратный комплекс. На языке компьютерных технологий: мозг – память и процессор; нервная система – шина данных; рефлексy – функции базовой системы ввода-вывода; подсознание – операционная система; сознание – прикладная программа, исполняемая в пределах и средствами операционной системы. Между программами идет информационный обмен. Химические процессы, протекающие в тканях, каждую секунду поставляют гигабайты новых данных. Наоборот, команды BIOS или операционной системы дают начало новым химическим реакциям или притормаживают уже идущие. Внеся поправки в работу операционной системы, мы можем изменить на-

правление развития человеческого организма, излечить имеющие место заболевания – сбои в работе системы, улучшить память, повысить восприимчивость, усилить четкость мышления, реакцию, самооценку и так далее.

– Угу. Но зачем нужны вы? Сам человек не может «внести поправку»? Скажем, он понимает, что болезнь пройдет, когда ослабеет восприимчивость нервной системы. Пусть возьмет и остановит программу, отвечающую за чрезмерно интенсивную реакцию на окружающий мир?

Стас сглотнул, чтобы продолжить – в горле пересохло от избытка бегло произнесенных слов. Желание показать, насколько хорошо он разбирается в азах своей профессии, боролось с раздражением от элементарности задаваемых ему вопросов.

– Самому изменить себя сложно. В нашем распоряжении только сознание. Мы думаем, анализируем, приходим к выводам – это программное обеспечение верхнего уровня. Мы сознательно даем команду телу переместиться из комнаты «А» в комнату «Б», но за поддержание равновесия, за моторику ног, за сокращение мышц отвечает подсознание, а за интенсивность химических и электрических процессов, непосредственно заставляющих мышечные волокна сокращаться – низкоуровневые функции базовой системы. Ни вторые, ни третьи сознанию не подчиняются. Сознание может служить средством передачи специально разработанного программного кода (например, полученного на прие-

ме у врача-психолога), но тогда человеку все равно придется регулярно выполнять последовательность действий, смысла которых он, то есть его сознание, не понимает. Куда проще другой путь: чтобы повлиять непосредственно на организм, в него искусственным путем вводят информацию, корректирующую тот или иной низкоуровневый программный код.

– Подытожим, так ли я понял: в мозг человеку помещают программу, которая изменит характер его поведения, как будет угодно заказчику и разработчику «технических условий»? Но, по-моему, это называется «насилие над личностью» и оговорено в уголовном кодексе?

Стас нервно улыбнулся, не понимая, куда вообще клонит директор. Все возрастающий темп игры в вопрос-ответ отвлекал парня от размышлений, с какой целью и почему его спрашивают – ему нужно было отвечать, а не думать.

– Гипноз, зомбирование или кодирование, ставящие целью получить контроль над человеческим сознанием, не имеют ничего общего с нейропрограммированием. Нейропрограммирование занимается неосознанными реакциями организма, что нельзя назвать «насилием над сознанием». Если же вы спрашиваете о возможности записать программный код непосредственно в кору головного мозга человека, не спрашивая на это его согласия, то, мне кажется, работать с мозгом на таком уровне еще не умеют.

– Тогда о чем мы говорим? Как и куда вы «поместите программу»?

– В область данных «операционной системы». Мы не сможем сказать, куда именно – организм сам размещает поступившие сведения и сам организует доступ к ним. Как поместим? Посредством любой совместимой с человеческим организмом информационной линии. Люди, как и любые другие объекты материального мира, подчинены законам взаимодействия информации.

– Линии, законы... – директор покачал головой с таким видом, словно устал вслушиваться в слова, смысла которых не понимает. – Какие такие ЗАКОНЫ, Станислав Александрович?

– Информация – физическая субстанция, наполняющая Вселенную наряду с материей и энергией. Характер ее существования описывается четырьмя основными законами. Первый: «информация стремится к увеличению объема». Есть предположение, что этот закон – следствие расширения Вселенной... В соответствии с Первым законом, из гелия образовался водород, а затем и более сложные химические элементы; углерод соединился в цепочки, сделавшие вероятным возникновение живой клетки; живые клетки эволюционировали до многоклеточных организмов; а многоклеточные организмы научились собирать сведения и образовывать из них принципиально новые информационные конструкции... Основное и наиболее известное следствие Первого закона: «разум есть естественное порождение информации, стремящейся к бесконечному увеличению объема...»

– Станислав, вы собираетесь дать мне определение всех законов? – Лицо директора выразило утомление и разочарование.

– А не нужно? – остановился Стас.

– Как хотите, конечно. – Артур Николаевич пожал плечами. – Нет, нет – продолжайте, раз начали!

– Второй закон звучит так: «Образование новой информации возможно только в рамках условий и правил, устанавливаемых информацией уже существующей.» Ну, например, нельзя отменить закон всемирного тяготения и взлететь с поверхности Земли – это противоречит установленному факту о притяжении предметов друг другом. Но закон можно обойти, то есть породить информацию о возможности отрыва от Земли при наличии определенных условий...

– Понимаю. Дальше!

– Третий закон: информация не является статической, она видоизменяется, стремится к некоторому уровню. Если в информации появляются противоречивые утверждения (характеристики), между ними возникает трение, приводящее к утере части сведений или изменению одного из утверждений...

– Хорошо, дальше!

– Ну и четвертый закон – самый важный для нас, программистов. Если меняется физический объект (источник информации), меняется и информация об объекте. И наоборот: если изменить информацию об объекте, изменится сам объ-

ект. Для неживых предметов изменение информации равносильно изменению (разрушению, деформации) самого предмета в прямом смысле слова, поскольку информация о неживом предмете ограничена его формой и строением. Для живых (изменчивых) объектов, закон означает следующее: «Если можно изменить информацию об объекте, не применяя к нему физического воздействия, то можно изменить физические свойства такого объекта, непосредственного не воздействуя на них».

– Все? Замечательно! Но вы ведь делились заученной на память теорией, а не своим видением? Правильно ли я понимаю: вы хотели сказать, что ваша «программа», с помощью которой вы «изменяете физические свойства объектов» – информация, некий объем знаний? И, если мне удастся обучить объект этим знаниям, он и сам изменится, как мне того нужно?

– Да. Программа – последовательность воздействий, которые должны привести исходную модель к заданной.

– Станислав, мы явно не понимаем друг друга, – вздохнул директор. – Каких «воздействий»? Вы возьмете топор и обрубите все лишнее? Потом молоток и приколотите то, чего не хватает?

– Воздействия могут быть любого рода...

Артур Николаевич вдруг приподнялся в кресле, повышая голос:

– Примеры, Станислав! Разжуйте мне! Положите в рот!

Стас прервался и глубоко вздохнул, чтобы заставить себя расслабиться. Сумасшедший день! Сумасшедший директор! Настоящая клиника для сумасшедших!

– Пример... – Стас опустил глаза и увидел браслет на своей руке.

– У меня на руке программатор, – молодой человек поднял руку, демонстрируя играющее на свету украшение.

– Я понял, верните запястье на электроды! – строго попросил директор. – Ну, что ж, уже лучше. Итак, что это?

– Программатор для снятия головной боли.

– Вы всегда его носите?

– Нет. Только перед экзаменами... Нервничал, напряжение, плохой сон, ну и...

– Понятно. Так?

– Медицинский программатор – простейший прибор, воздействующий на того, кто его носит, с помощью информационной последовательности, направленной на облегчение симптомов некоторого заболевания или улучшение общего состояния нуждающегося в медицинской помощи организма.

– Что вы сейчас сказали? – директор наморщил лоб с измученным видом. – Мы же договорились общаться на человеческом языке?

– Программатор соприкасается с кожей руки. Он может передавать информацию с помощью последовательности электронных импульсов – очень слабых разрядов тока, с по-

мощью вибрации или посредством электромагнитных колебаний. Мой программатор электромагнитный. Я не ощущаю никакого воздействия, но организм, как программно-аппаратный комплекс, воспринимает ритм передатчика и постепенно перестраивается на задаваемый им режим.

– И?

– У меня перестает болеть голова.

– Понятно. Превосходное изобретение. А где вы его взяли?

– Купил в аптеке.

– То есть, в любой аптеке можно купить результат труда нейропрограммиста? – директор облегченно вздохнул, словно только теперь разобрался, о чем велась речь. – Мы говорим о чем-то чрезвычайно простом и распространенном, не так ли?

– Да.

– Ну вот. Теперь я кое-что понял. Но я – обыватель. Я ничего не смыслю в «информационных линиях». Я понял, что вы делаете что-то полезное. Например, избавляете меня от головной боли. Но как именно? Как обыватель, я не верю, что мой организм можно запрограммировать. Законы взаимодействия информации существовали до того, как их открыли – на то они и законы природы. Выходит, должны были накопиться факты, которые не объяснить иначе, как с помощью вашей теории. У вас есть примеры?

– Конечно... Много... Например... – Стас на мгновение

задумался. – Гомеопатия – «метод лечения приемом внутрь малых доз вещества, в больших дозах вызывающего те же симптомы, что и сама болезнь». Гомеопатией пользовались еще в Древнем Китае. Если человек, скажем, страдал от болезни почек, но жаловался на опухание конечностей, ему назначали гомеопатическое средство, которое в больших дозах привело бы к такому же опуханию рук и ног. Скажем, пчелиный яд. Этот яд разводили в воде до такой пропорции, что правильнее было бы говорить об «информации о яде в воде», нежели о «воде с ядом». Затем, на протяжении длительного срока – года или больше – пациент принимал информацию. Самое главное: у него не только переставали отекать ноги, но и восстанавливались функции почек. Никакой прямой зависимости между почками и пчелиным ядом найти невозможно – организм получал не лекарство, а программу, вынуждающую его вводить поправки в работу системы в целом, подключать утраченные или незадействованные функции.

– Предположим. Еще?

– «Бабки-шептуньи». Народные целители. Полезную информацию они передавали посредством нашептываний, поглаживаний, через «заговоренную» (структурированную) воду.

Вода – сама по себе одно из подтверждений правомерности теории информационного взаимодействия. Как средство для хранения и передачи программного кода, она применялась людьми еще с доисторических времен. Воду с по-

лезной информацией наши предки называли живой, с вредоносной – мертвой. При этом и живая и мертвая вода имела идентичный химический состав и, с точки зрения классической химии, никак не могла бы обладать противоположными свойствами.

– Еще?

– Совсем недавно, несколько десятилетий назад, ученые пришли к выводу, что для восстановления больного органа ему (органу) можно «дать послушать» ритм здорового. Исцеление наступало после многократного прикладывания к больному месту источника «здорового» ритма... – Стас понял, что впустую тратит силы – он давно уже сказал все, что было нужно. Рано или поздно, но директор перейдет к профессиональным тонкостям, а его вопросы действительно заставят попотеть – нужно было беречь энергию и сохранять спокойствие духа. – На самом деле, Артур Николаевич, примеров много. Программы «писались» на протяжении всей истории человечества, только, до недавнего времени, «программисты» опирались на собственную интуицию и опыт предшественников, потому часто ошибались и не достигали поставленной цели. Сейчас же модели строятся по специальной методике, исключая случайные погрешности, а программа есть результат построения точной математической последовательности, строго приводящей исходную модель к требуемой.

Современный гомеопат работал бы так: сперва постро-

ил бы начальную модель, основываясь на жалобах пациента и проведенном обследовании. Затем конечную модель, зная, какой результат должен быть получен. По двум моделям разработал бы программный код и, наконец, внедрил бы этот код в организм человека. Не обязательно через прием малых доз вещества, как в классической гомеопатии. Может быть, предложив пациенту регулярно прослушивать последовательность звуковых колебаний, пусть даже и неакустического диапазона. Может быть, демонстрируя последовательность изображений. Может быть, установив в носимый пациентом на руке или ноге браслет – источник электромагнитных волн или механических вибраций... Как угодно – любым доступным способом.

– Что ж. – Директор кивнул. – Я понял: нейропрограммист – это врач.

Стас недоуменно поднял брови – Артур Николаевич либо удачно разыгрывал из себя дурочка, либо в отделе кадров и в самом деле не особенно разбирались в том, чем занимались в остальных отделах института.

– Не обязательно. Нейропрограммирование можно использовать во многих областях. Люди – информация в мире информации. Мы влияем на окружающий мир, окружающий мир влияет на нас. Каждый предмет в квартире, где мы живем; цвет или форма, запах или звучание каждого объекта живой и неживой природы вокруг нас влияют на состояние нашего собственного информационного поля. Корректируя

эффект информационных влияний, мы можем достичь новых высот, можем привлечь в свою жизнь успех, гармонию и процветание.

– А вы уже привлекли успех и процветание, или вам не так важно, процветаете вы или нет? – заинтересовался услышанным Артур Николаевич.

– Но это же только теория! – Стас улыбнулся его наигранной наивности. – Правда до наших дней дожило одно древнее практическое учение о воздействии окружения человека на его удачу – «Фэн Шуй». Его приверженцы веками собирали рекомендации, как наладить жизнь с помощью перестановки предметов или изменения их ориентации по сторонам света. Однако результат они не гарантировали, объясняя все неудачи «звездной судьбой» человека, которую, якобы, изменить невозможно.

Если бы для ответа на вопрос, как изменить информацию о человеке, чтобы жизнь человека изменилась в лучшую сторону, применялись методы нейропрограммирования, результаты не заставили бы себя ждать. К сожалению, никто еще не сумел построить модель неудачника, из нее получить модель везучего, а потом написать код, превращающий первого во второго.

– Как думаете, почему? – директор, наконец, перестал играть в глуповатого экзаменатора и посмотрел на Стаса с легкой улыбкой прекрасно осведомленного собеседника – видимо опрос входил в завершающую стадию.

– Ну, потому, наверное, что никто еще не научился описывать математически такие абстрактные понятия, как «везение» и «невезение», «удачу» и «неудачу».

Директор снял очки и кивнул.

– Хорошо, Станислав Александрович! Не буду вас больше мучить. Я удовлетворен.

Он поднялся, намереваясь прощаться. Для Стаса такой резкий переход от диалога к прощанию оказался полной неожиданностью.

– Все в порядке, – успокоил директор. – Теперь вас отведут к начальнику отдела безопасности. Тот объяснит, что и как дальше.

– Это и было собеседование? – осознал Стас.

– Собеседование? Да.

– Я принят?

– Пока нет.

– То есть?

– Вас оформят к нам только по прохождении карантина.

Стас насупился, отмечая, что препятствия на пути к банальному оформлению на работу возникают здесь бесконечно:

– Карантина?

– Не волнуйтесь, Станислав. Идите! Вам там все объяснят.

Стас сделал несколько шагов назад, к двери.

– А могу я тоже спросить? – Он обернулся на пороге с ощущением, что до сих знает о месте работы не больше,

чем знал вчера в баре. – Весь этот разговор... Так вы разрабатываете программы для коррекции личности?

– Нет, что вы! – директор улыбнулся. – Здесь, Станислав Александрович, вы не будете делать ничего, о чем можно рассказать в мемуарах... Ступайте же!

На этот раз лифт доставил Стаса в пустой широкий коридор с десятком закрытых дверей вдоль стен. Между коридором и лифтом находился пост охраны – трое крепких парней в черных костюмах посмотрели на Стаса из-за прозрачного барьера. Еще один мужчина в сером костюме-тройке ожидал у самого лифта – тот самый «руководитель», который звонил Стасу по нэтфону.

– Я начальник отдела безопасности, Вениамин Павлович Бодов, – представился «руководитель». – Пойдемте со мной, Станислав Александрович!

Они остановились у первой же из дверей коридора – та ушла в сторону от прикосновения начальника.

– Здесь две комнаты. – Вениамин Павлович обвел рукой обставленное мягкой мебелью относительно небольшое – шесть на шесть метров – помещение. – В этой – спальня, в той, – начальник увлек Стаса в соседний зал. – Кабинет. Здесь и там вы будете жить и работать на время испытательного срока.

В кабинете стоял один единственный стол, полукругом опоясывающий пространство комнаты. Над столом висели пять больших панелей-экранов. На столе располагались

устройства, которых Стасу еще не приходилось видеть: множество кнопок, джойстиков, манипуляторов.

– Что это? – Незнакомое оборудование на какое-то время отвлекло молодого человека от мыслей о самом себе.

– Ваше персональное рабочее место.

– Вы имеете в виду: «персональный компьютер»?

– Специализированный персональный комплекс.

– Но зачем он нужен? Персональные компьютеры – прошлый век!

– У нас свои правила, Станислав Александрович! – Начальник безопасности смерил его с головы до ног таким взглядом, что Стасу на мгновение стало жутко. – Разработки наших сотрудников засекречены. Мы не пользуемся Сетью, не общаемся с внешним миром. Поэтому привыкайте! Комплекс опознает ваш сетевой номер и позволит подключить нэтфон к нему – на время адаптации можете работать и через нэтфон, если он вам так дорог. Но вы очень скоро поймете, что очки на глазах – не панацея. Вам понравится работать руками... Готовы приступить немедленно?

Стас очнулся:

– К чему?

– Начать отсчет испытательного срока.

– Но я не совсем понял, в чем заключается испытание.

– Вы останетесь здесь на две недели. Будете жить в комнате с мягкой мебелью, работать в кабинете. Ванную и туалет найдете за дверью спальни. Заказные обеды принесут сюда.

Задание на каждый день будет приходиться по утрам по внутренней электронной почте – увидите на одном из экранов персонального комплекса... И так далее. Две недели изоляции, затем – полная свобода и новая работа.

– Пойдите! – отказался поверить Стас. – Я, что, буду сидеть здесь взаперти?!

– Нет. Вам разрешено свободно перемещаться в пределах блока для испытуемых. То есть, выходить в коридор, по которому мы сюда пришли.

– А как же телефонная связь? Я смогу поговорить с родными, с друзьями?

– Как я уже сказал, Сеть из нашего учреждения недоступна. На время карантина вам разрешается разговаривать только с охранниками и с другими стажерами.

– А сколько сейчас других стажеров?

– Сейчас ни одного.

– А охранники...

– Вам можно разговаривать с ними, но им запрещено разговаривать с вами.

– Тогда зачем вы мне о них сказали?

– Возникнут пожелания – они выслушают, и, если сочтут необходимым, доложат мне. Вы, Станислав Александрович, наверняка не так все понимаете: здесь не тюрьма и не колония строго режима. Руководство считает необходимым убедиться в работоспособности своих будущих специалистов в условиях их полной изоляции от внешнего мира и, особен-

но, от Сети, однако никто не собирается насильно задерживать вас для достижения каких-то личных целей. В любой момент вы вольны подойти к охране и потребовать остановки эксперимента. Вас вывезут обратно в город. Мы больше не встретимся.

– Значит, чтобы получить работу, я должен просидеть в одиночестве две недели?

– Четырнадцать дней.

– Здорово! Я ведь даже не знаю, ради чего! Что за работа, какие условия, сколько будут платить?

– О деньгах не волнуйтесь. Продержитесь две недели – деньги перестанут вас беспокоить. Кроме непосредственно зарплаты, для каждого из наших сотрудников открыта льготная кредитная линия в Центробанке. Если не продержитесь испытательный срок, тоже ничего страшного – сможете вернуться в ВУЗ и повторить процедуру поиска работодателя – у нас есть соответствующая договоренность с администрацией вашего университета.

– Но родители... Никто же не знает, что я здесь...

– Поэтому я и спросил, готовы ли вы приступить немедленно.

– А если не готов?

– Вас отвезут домой, как привезли сюда. Заберут еще раз в условленный день и час – сами договоритесь с водителем. Сколько вам потребуется времени? Дня достаточно?

– Думаю, да.

– Хорошо. Завтра суббота. С субботы и начнем.

Глава 4

Родители к рассказу Стаса отнеслись спокойно. Университету платили деньги. Работодатель не «с улицы» – его нашел университет. Две недели? Мало ли какие бывают трудности? Ничего страшного. Если для всех в этом научно-исследовательском центре такие условия, значит, и Стас потерпит. Другие же до него как-то справлялись?

Друзья были менее единодушны.

– Брось ты их! – заявила Вика. – Вернись в ВУЗ. Что может быть хорошего, если первое же знакомство начинается с унижения?

– Я же говорил, что ты выиграешь пари, – совсем по-другому отреагировал Дима. – Срок только какой-то странный: две недели.

– Что в нем странного? – не понял Стас.

– Не нравится мне, вот и все.

– Время обновления операционной системы? Ты думаешь, меня хотят запрограммировать?

– Не думаю, конечно. Но, если хотят, то две недели им как раз хватит... Да, шучу я, чего испугался?! А ты смотри на свое заточение с оптимистической точки зрения: разве не отличная возможность передохнуть после экзамена? Смена обстановки, тишина, никаких раздражителей, вроде меня с Викторией. Две недели, конечно, многовато, но нам всем нужно

время, чтобы освоиться с переменами. Раньше бы все равно не собрались. Вот «выйдешь на свободу», как раз наберется, о чем судачить.

– А ты уже побывал у отца? – вспомнил Стас.

– Даааа... Ничего интересного. Суета, все какие-то озабоченные, нервные. Папа даже минуты не нашел – совещания у него, планерки, инструктажи. Пообщался с его секретаршей – хорошенькая такая брюнетка, лет двадцати двух. Улыбчивая. Но тоже – дала код доступа к базе внутренних уставов и упорхнула.

– А ты, Вика?

Девушка недовольно фыркнула:

– Что я? Меня никуда и не звали. Получила по почте десяток документов. Сижу теперь, разбираюсь.

Взвесив все за и против, Стас решил, что глупо отказываться от перспективы, о которой он так ничего и не выяснил. Что, если для достижения того результата, о котором он вскоре узнает, не трудно будет просидеть взаперти год и пройти через самые суровые испытания? Дорогие машины, вышколенные охранники, внутреннее убранство залов и лифтов... А университет и в самом деле отвечал за тех, кого выбрал в работодатели – в случае чего, родители будут знать, к кому обратиться...

Но четырнадцать дней взаперти пролетели совсем не так быстро, как представлялось Стасу. Одиночества физическо-

го молодой человек не боялся: в современном мире люди мало общались и потому не нуждались в постоянном контакте лицом к лицу даже с родными и близкими. А вот потеря привычного сетевого контента заставила Стаса почувствовать себя Робинзоном Крузо на необитаемом острове.

В доступном молодому человеку информационном пространстве имелся неограниченный набор видеофильмов, как документальных, так и художественных, богатая библиотека, музыкальные записи от попсы до классики. Но смотреть, читать или слушать по собственному выбору и наедине со своими мыслями было совсем не так интересно и даже тоскливо. Никто не рекламировал новый фильм, никто не делился впечатлениями после его просмотра, негде было посмотреть рейтинг зрительских симпатий, не с кем было поспорить или обсудить подробности...

Все самые известные в Сети игры запускались точно так же, как «на свободе». Но играть в них приходилось одному, от чего терялся основной смысл. Хотелось сравнить свой результат с лучшим за день, за месяц, за год. Хотелось поспорить и выиграть, а не развлекать самого себя, соревнуясь с самим собой...

Зато «специализированный персональный комплекс», с которым Стас был вынужден общаться каждый «рабочий» день, оказался забавной игрушкой. Пару дней Стас даже находил удовольствие, разбираясь, для чего предусмотрена какая кнопка, что делает какой джойстик и насколько быст-

рее нажимать на сенсорную панель пальцем, нежели выбирать пункт меню глазами на экране нэтфона. Преимущество персонального комплекса над нэтфоном не показалось ему столь очевидным – если таковое и было, то скрывалось где-то за гранью осознанного понимания. Человек много тысячелетий реагировал взмахами рук, ног, головы: видимо, альтернатива контактного, подвижного управления процессом позволяла избежать неких скрытых внутренних противоречий?..

Программное обеспечение, доступное на специализированном комплексе, приятно поразило дружественностью интерфейса и необыкновенным быстродействием. Раньше Стасу не приходилось видеть ничего настолько быстрого, удобного и интуитивно понятного. Но сейчас он проходил практику на реальном и процветающем предприятии, а до этого тренировался на бесплатных студенческих бета версиях!

Задания же «на каждый день» были до банального однообразными. Стасу давали две готовые модели с предложением написать код по превращению одной в другую. Задачи решались сходу, и в них не было той изюминки, которая могла заставить призвать на помощь остроту ума и эрудицию. Обычно Стас тратил на «работу» час или два, после чего мог делать все, что хотел, то есть скучать и убивать время. Он даже подумывал, не попросить ли через охрану усложнить условия: например, добавить в модели скрытые дефекты, без обнаружения и устранения которых окончательный

результат станет неопределимым. Но в итоге не стал этого делать – не стоило скуки ради искать проблемы на свою голову.

Поначалу он пытался занять себя попытками расшифровать физический смысл своих заданий – превращения из чего во что описывали постановщики? Но вскоре бросил. Возможно, никакого смысла и не было. Что, если модели и задания придумывались на пустом месте специально для таких вот стажеров?

Кормили Стаса превосходно, как в лучших ресторанах Москвы. На обед и ужин позволялись алкогольные напитки, например, вино или пиво. У молодого человека даже возникло подозрение, что его проверяют на пристрастие к алкоголю – Стас решил не рисковать и угощался пивом лишь раз или два, когда на душе совсем уже скреблись кошки.

Постепенно однообразный ритм вошел в норму, каждый новый день планировался Стасом заранее, ничем не заполненных пауз больше не оставалось. Тоска по дому и общению ослабевала. Видимо, этого и добивались организаторы карантина. Во всяком случае, когда днем четырнадцатого дня в комнату к молодому человеку вошел охранник с сообщением, что испытательный срок закончился, Стас даже удивился, почему не радуется долгожданному перемене.

Но ворота «тюрьмы» открылись – молчаливые охранники пропустили подопечного к дверям лифта. Та же кабина без кнопок доставила молодого человека во все тот же каби-

нет к заместителю генерального директора по кадровым вопросам.

– Проходите и садитесь! – В голосе Артура Николаевича на этот раз не нашлось ни одной теплой нотки – никаких следов от прежнего радушия и заинтересованности. На этот раз директор просто делал свою работу. – Вы с честью справились с испытанием. Оформляетесь в шестой отдел. Вот договор.

Стас взял протянутый ему пластиковый листок. На лощеной поверхности мерцали полоски голографического кода.

– Здесь коды доступа к вашим личным ресурсам, – объяснил Артур Николаевич. – Оденьте нэтфон и отсканируйте голограммы!

Стас подчинился. Нэтфон работал, но в доступном ему сетевом пространстве значилась одна единственная программа, которая, после запуска, попросила посмотреть через нэтфон на листок с кодами. Шифр был считан – перед глазами Стаса развернулась папка с многочисленными документами.

– В этой папке: устав института, правила для сотрудников, внутренний распорядок, план этого здания и схема проезда к нему... – прокомментировал Артур Николаевич. – Обязательно ознакомьтесь до понедельника! Сегодня суббота – в понедельник приступите к работе на общих основаниях... Пока понятно?

Стас кивнул.

– Теперь о том, что так волновало вас в нашу первую

встречу. Активизируйте программу расчетов по зарплате!

Стас послушался.

– Как работать с программой, разберетесь позже, а сейчас перед вами четыре итоговых цифры. Первая – сумма, лежащая на вашем личном счете – начисленная вам авансом заработная плата. Вы отработали две недели, вам перечислили треть месячной заработной платы. Четыре тысячи евро. Есть такая?

– Да... А эти две недели я «работал»?!

– А что именно вас не устраивает? – директор посмотрел на Стаса внимательно.

Молодой человек пожал плечами.

– Ну, не знаю. Просто не ожидал. Эти задания... они...

– Что?

– Слишком простые. Да и бессмысленные.

– А вам не все ли равно?

– Мне... – Стас хотел ответить, что конечно ему хочется приносить пользу, знать, кому и в чем помогает, ощущать свою значимость как члена общества. Но, немного подумав, он понял, что не видит принципиальной разницы, для кого и что делает. – Ну вообще-то... Если за это платят...

– Вот именно! – кивнул директор. – Такая у нас специфика: любопытство здесь не приветствуется. Чтобы избавить вас от ответственности за хранение чужих секретов, мы разбиваем каждую задачу на несколько этапов и распределяем кусочки по разным отделам института, учитывая

при этом профессиональный уровень каждого нашего специалиста. Как новичок, вы делали самую легкую часть работы – вот вам и показалось, что вас тестируют.

Вернемся теперь к экрану вашего нэтфона. Вторая сумма – зарплата, на которую вы можете рассчитывать в этом месяце. Сейчас она равна восьми тысячам. Отличитесь – эта цифра возрастет, напортачите – уменьшится. Вы сможете сами следить за балансом и делать выводы – надеюсь, полезные и для вас, и для учреждения.

Стас подтвердил понимание кивком головы. Он был доволен – обе цифры значительно превышали его самые смелые ожидания.

– Третья цифра – сумма израсходованного банковского кредита.

Не ожидая ничего плохого, Стас не поверил своим глазам:

– Здесь какая-то ошибка. Я уже потратил девятьсот семьдесят тысяч?!

– Не волнуйтесь, все правильно. И все только в ваших интересах. Эти деньги «не потеряны», а переведены в недвижимость – недвижимость всегда можно вновь превратить в деньги и вернуть банку, если вам так будет угодно. Сейчас я все объясню. Посмотрите пока на четвертую цифру!

– Сто тридцать тысяч...

– Правильно. Это остаток выданного вам кредита, который вы все еще можете использовать. Теперь подробнее. Для каждого нашего специалиста Центробанк открывает от-

дельную кредитную линию. При оформлении на работу сотруднику дается возможность получить и потратить миллион сто тысяч евро – согласен, деньги приличные. Основную часть этой суммы мы передаем новичкам в виде собственности – как показывает опыт, молодым людям не достаёт мудрости, чтобы грамотно распорядиться неожиданно свалившимся на голову капиталом. Деньги могут стать для вас испытанием, а наша цель – не проверять вас на прочность, а избавить их от проблем, максимально сфокусировав на работе. По мере продвижения по карьерной лестнице, по мере увеличения стажа и накопления заслуг перед институтом, максимально допустимый размер кредита будет расти, соответственно, сумма остатка – увеличиваться. И предупрежу ваш вопрос: без ограничений.

– Я хотел не об этом... Но кредит ведь нужно будет вернуть? Если аванс – четыре тысячи, я за всю жизнь...

– Успокойтесь: кредит погашается не из зарплаты.

– А как тогда?

– Мы заботимся о своих кадрах, Станислав Александрович. Ваша работа приносит доход институту, а институт гасит кредиты сотрудников из собственной прибыли.

– А если я предпочту не брать в долг, а дожидаться «отчислений из прибыли»?

– Если вы откажетесь от кредита, откажитесь и от помощи института – мы гасим кредиты сотрудников, а не начисляем им премиальные. Таковы условия. Но вы делаете ошибку,

Станислав, думая о кредите, как о долге – весь современный финансовый мир живет в кредит. Тем более что наш кредит станет для вас долгом только в случае расторжения договора с институтом.

– То есть в случае моего увольнения?

– Да.

– А что мне тогда делать?

– У вас будет три года, чтобы распродать имущество, найти и вернуть сумму задолженности... Но вы меня удивляете, Станислав: вы ведь только устраиваетесь на работу?

– Да, но... – Стас перевел дух. – А могу я узнать, на что потратил сумму, которую никогда не смогу вернуть?

– Конечно. Посмотрите свои оплаченные счета!

Стас активизировал цифру-сумму использованного кредита. Перед его глазами открылось несколько документов. На каждом значился продавец, дата продажи, наименование, характеристики и внешний вид товара. К своему огромному удивлению, молодой человек узнал, что уже является обладателем двухэтажного частного дома с мебелью, бытовой техникой и приусадебным участком, а также нового китайского кроссовера «Logan GTC» – не самого дорогого, но популярного молодежного автомобиля – помеси вездехода, минивэна и спорткара...

Словно прочитав его мысли, директор пояснил:

– Машина стоит в подземном гараже, куда вы отправитесь сразу из этого кабинета. Она «знает» и вас, и адрес вашего

нового дома. В остальном разберетесь на месте.

– Но почему: дом, кроссовер? – Стас не мог избавиться от неприятного ощущения, что за него уже все решили. – Что, если бы я хотел жить с родителями, зато ездить на чем-то особенном?

– Об этом прочтете в уставе. Мы щедро платим, но настоятельно рекомендуем сотрудникам не выделяться и не привлекать внимания. Стартовый пакет всегда включает дом, чтобы специалист отдыхал с комфортом и не забивал голову бытовыми проблемами, и автомобиль, чтобы он мог добраться от дома до института вне зависимости от времени года и режима работы общественного транспорта. Таким образом, у всех наших сотрудников похожие дома и машины. Возможно, сейчас такое однообразие кажется вам неправильным, но не выделять никого из специалистов – лучший способ защитить их.

– Защитить от кого?

– Вы же взрослый человек, Станислав Александрович? Там, где водятся деньги, всегда найдутся алчность, зависть, обида. Выделяясь, вы привлекаете к себе внимание. В том числе людей, игнорирующих моральные нормы. Пострадаете вы – пострадает институт. Вот и возьмите за правило: не нужно быть лучше всех, будьте не хуже. И не важно где, кто и что о вас подумает. У вас будет все для счастливой, обеспеченной жизни. Живите и наслаждайтесь... Итак, финансовая сторона трудового договора вас удовлетворяет?

Стас рассеянно кивнул.

– Вот и славно. Как только окажетесь за пределами здания, подключитесь к Сети и установите связь вашего внутреннего рабочего расчетного счета с личным, которым пользовались ранее. После этого тратьте заработанные средства, сколько и как сочтете нужным. Возьмите свою новую машину, съездите, осмотритесь в новом доме и не забудьте изучить пакет документов, о которых я говорил в самом начале разговора.

В понедельник в девять утра вы должны быть на рабочем месте. Мое с вами общение заканчивается оформлением вас в отдел номер шесть. Подписав договор, вы становитесь рядовым сотрудником института. Это означает, что контактировать вам можно только с непосредственным начальством – руководителем группы. Руководитель группы может обратиться к начальнику отдела, начальник отдела – к начальнику сектора, начальник сектора – к заместителю главного инженера и... так далее. Между вами и руководителем группы – семь квалификационных ступеней. Пока вы – молодой специалист без стажа работы – стоите на самой низкой ступени нашей иерархии. Понимаете? Субординация – основа порядка. Жесткие правила обеспечивают четкий режим работы учреждения. Помните историю? Когда римская армия становилась лагерем в яблоневоm саду, с деревьев не пропало ни единого яблока...

Артур Николаевич вдруг посмотрел в глаза Стасу взгля-

дом, который говорил: «не понимаю, почему вы все еще здесь?»:

– Станислав Александрович, это все! Если у вас нету ко мне вопросов, у меня нету причин вас задерживать.

– Есть один вопрос, – вспомнил Стас. – Я могу рассказать родителям, куда устроился? Где находится институт, больше не тайна?

– Все разъяснения – в уставе. Что касается нашего учреждения – оно легальное. Мы ни от кого не скрываем, где размещаемся и по какому профилю работаем.

– А зачем меня везли сюда с такой секретностью?

– Обеспечение безопасности не в моей компетенции, Станислав. Возможно, как сотрудник института, вы обязаны держать в тайне все, что происходит за его стенами, а как гость, могли распространить важные сведения – мы бы не вправе потребовать у вас молчания. Что бы вы рассказали, не зная, где побывали? «Где-то в Москве до сих пор пользуются персональными компьютерами» – сплетни, не более. Другое дело: «в НИИ «Экспериментальной Медицины» все компьютеры – локальные персональные комплексы». Вы чувствуете разницу?

– НИИ «Экспериментальной Медицины»? Все-таки медицины?

– Министерство здравоохранения – один из наших крупнейших инвесторов... Но, мы ведь, кажется, договорились, что клиентская база – закрытая информация?

– Да я просто так...

– Ступайте, Станислав Александрович! Успехов вам в новой жизни и на новом рабочем месте!

Глава 5

Выпровоженный из директорского лифта где-то на одном из административных этажей института, Стас наконец ощутил себя свободным человеком – теперь он мог идти абсолютно на все четыре стороны. Интерактивный план здания, доступный во внутренней сети НИИ, помог найти и «подчинить» лифт общего пользования, указал кратчайший путь к подземному паркингу и месту на стоянке, где ожидал «подаренный» банком кроссовер.

Если раньше, с привилегиями особого гостя, молодому человеку достаточно было просто войти и выйти из «апартаментов» директорского лифта, теперь пришлось шагать по коридорам, толкать закрытые двери и ожидать отсутствующих на этаже кабинок лифтов для простых смертных.

Зато институт больше не производил впечатления покинутого прислугой дворца. Встречные бросали на юного незнакомца любопытные взгляды. А Стас в ответ изо всех сил старался не выглядеть новичком – шел твердым шагом и с высоко поднятой головой, словно знал лабиринт коридоров и лестниц, как свои пять пальцев, или, во всяком случае, уже ни один раз бывал здесь.

Правда вскоре он осознал, что старается зря. Программа плана здания обнаружила интересную функцию – над людьми, на которых смотрел Стас, появлялся ука-

затель-подсказка, где перечислялись должность и фамилия-имя-отчество незнакомца. Не трудно было догадаться, что такую же «визитку» видели и встречные, взирая на Стаса...

Совершенно новенький, без единой царапинки, без пробега, из последнего модельного ряда семиместный «проходимец» сверкал в лучах фонарей подземного зала, словно шоу-кар на выставочном подиуме. Еще одна приятная деталь – автомобиль сразу признал в молодом человеке хозяина и приветливо поднял перед ним водительскую дверь – нэтфон опознал кроссовер, кроссовер опознал нэтфон своего владельца. Когда Стас сел за руль, программа «управление транспортным средством» тоже запустилась самостоятельно – нарисовала приборы, сделала «прозрачными» стены и потолок и выдвинула на передний план кнопки – активаторы возможных действий. Механический руль погрузился в нишу приборной панели в ожидании того маловероятного случая, когда им пожелают воспользоваться в ручном режиме управления...

Конечно, программа «Loran GTC» сильно приукрашивала увиденное Стасом через очки нэтфона, но и без очков убранство салона заставило бы парня обомлеть от восторга. Кресла с массажем и вентиляцией, большие подлокотники, отдельный климат-контроль, холодильник, трехцветная кожа, качественные материалы приборной панели и обивки дверей... Еще вчера Стас не мог представить себя за рулем

пятилетнего городского автомобильчика – сегодня ему принадлежал этот большой, мускулистый красавец, готовый рвануться в любую сторону света!

Молодой человек никогда не водил настоящего автомобиля, зато много раз участвовал в сетевых гонках как на спорткарах в кольцевых ралли, так и на джипах – в гонках на выживание. Игровые программные симуляторы внешне ничем не отличались от программного обеспечения, устанавливаемого в реальных машинах – тот, кто умел управляться с виртуальной копией транспортного средства, легко овладевал и оригиналом. Для начала, Стас убедился, что автомобиль знает, как добраться до его новой «виллы». Затем дал команду начать движение, передав управление автоматике. Кроссовер завелся и тронулся так бесшумно и мягко, что восхищенный водитель даже не почувствовал, что уже едет.

...Потратив около минуты на лабиринт подземной парковки, автомобиль самостоятельно выбрался под солнечный свет открытого пространства двора. Стас остановился, чтобы оглядеться. Снаружи институт не производил впечатления – заурядный ансамбль из восьмиэтажных корпусов, объединенных четырехэтажными переходами. Раскинувшийся вокруг зеленый парк, пересеченный лентами бетонных автомобильных и желтых пешеходных дорожек, успокаивал, навевал мысли о добром и вечном. Старые деревья выглядели крепкими и ухоженными...

Парк окружал каменный забор – не настолько высокий,

чтобы через него нельзя было перелезть. Такой мог выделять территорию или предупреждать посторонних: «сюда нельзя», но никак не защищать от проникновения «жадных до чужих разработок шпионов». Безобидный и открытый, снаружи институт ничем не выдавал того военизированного порядка, который царил за стенами его зданий. Об этом стоило подумать... Или не стоило. Во всяком случае, не сегодня!

День выдался безоблачным. Солнце стояло в зените. Голубое небо притягивало своей бездонностью, а зеленые деревья манили развалиться на траве в холодке их тени. Щебетание птиц и шелест листьев проникали в самую душу, наполняя сердце радостью жизни. Все это было слышно и видно из машины – программа «Logan GTC» пропускала звуки природы, отсеивая с помощью цифровых фильтров шум моторов и шорох резины по бетону...

Стас не мог поверить, что все это происходит именно с ним! От упоения внезапным успехом голова просто шла кругом! Он готовился к борьбе за место под солнцем, готовился к труду до седьмого пота, готовился потом и кровью доказать, что достоин всяческих материальных благ и положения в обществе... Вместо этого ему все дали сразу и просто так. Легкую работу, высокую зарплату, машину, дом...

Дом, правда, еще только предстояло увидеть.

Совершенно самостоятельно машина выбрала одну из дорожек, уходящих из парка, миновала изящную будочку КПП

и беспрепятственно выбралась за пределы окружающего институт забора.

Подумав, кто сейчас управляет кроссовером, Стас вспомнил о Глобальной Сети – нэтфон и в самом деле уже какое-то время контактировал со всем внешним миром. Как и автомобиль – тот вошел в подчинение к программе «Уличное движение г. Москва», превратившись в безропотную марионетку с минимальным набором вариаций поведения. Теперь Стас мог выбрать направление, маршрут и среднюю скорость, но управлял машиной не он, и не программа «управление транспортным средством», а вычислительный центр Госавтоинспекции. Учитывая все возможные комбинации для всех зарегистрированных на данный момент участников дорожного движения, получая со спутников и камер наблюдения картинку о реальном состоянии дел на дороге, суперкомпьютер мегаполиса помогал автолюбителям добраться до цели в минимально короткий срок и, что самое важное, без нежелательных происшествий...

Конечно, однообразие и монотонность такого дорожного порядка утомляли, но сегодня Стас готов был подавить нетерпение – и без того коктейль из эмоций этого дня казался ему угрожающе крепким. Придет еще время и для загородного тест-драйва, и для путешествий с друзьями на море и в горы... Под колесами «Logan GTC» побывают еще и кочки полей и пеньки лесных просек и гладкий бетон полигона... Все еще будет – впереди уйма времени! Жизнь ведь

только начиналась!..

За забором ландшафт практически не изменился, разве что деревья стали еще старше, а дорожки – менее ухоженными. Судя по всему, под территорию института выделили часть уже имевшейся здесь ранее парковой зоны. Ориентируясь по размерам находящейся где-то совсем не далеко Останкинской башни, Стас предположил, что попал либо в Останкинский парк, либо в Ботанический сад. Вскоре его предположения подтвердились – кроссовер выбрался на Ботаническую улицу, затем – на Сигнальный проспект, и, наконец – на Дмитровское шоссе, где намеревался проникнуть в плотный поток автомобилей, стремящихся в направлении от центра города.

Движение по Дмитровскому казалось непрерывным, но машины, подчиняясь одной и той же программе, в нужный момент образовали брешь и пропустили в свои ряды новенького. Кроссовер занял правую полосу и стал разгоняться, постепенно уверенно перебираясь влево...

Когда позади осталось кольцо МКАД, Стас осознал, что уезжает из города. Он мог бы и не фантазировать, а изучить карту, которой руководствовался кроссовер, но предпочитал пока оставаться в неведении, чтобы вдоволь насладиться восторгом ребенка, предвкушающего новый сюрприз.

Только через десять минут езды со скоростью сто десять – сто сорок километров в час, кроссовер стал сбавлять ход и свернул с шоссе вправо.

Вокруг сомкнулись деревья смешанного леса, но родившиеся было надежды Стаса испытать внедорожные качества машины не оправдались – покрытие проселочной дороги не уступило шоссе. Кто-то постарался, проложив здесь, за городом, приличный подъездной путь – гладкий, ровный, с трехцветной разметкой и магнитной разделительной полосой...

Минут через пять деревья наконец расступились, открывая перед Стасом вид на большое водохранилище, а еще через минуту кроссовер остановился перед шлагбаумом КПП на въезде в раскинувшийся у самой воды коттеджный поселок. Произошла небольшая заминка, но гостя опознали, шлагбаум поднялся, а кроссовер вкатился на охраняемую территорию.

Поселок поражал воображение аккуратностью и тем уровнем комфорта, о котором до сих пор Стас предпочитал не думать, чтобы не чувствовать ущербности собственного положения. Все вокруг говорило о достатке и благополучии местных жителей. Чистые улочки, выложенные брусчаткой пешеходные дорожки, ухоженные клумбы с пышными цветами, красиво стриженные деревья, многочисленные фонарные столбики, на каждом – камеры наблюдения, невысокие изящные заборы, наконец, однотипные, но впечатляющие и дороговизной материалов, и архитектурным стилем двух-трех этажные коттеджи. В придачу, над сверкающей под лучами солнца гладью водохранилища – белые паруса яхт, а у

берега – причал и облагороженный пляж с лежаками и душевыми кабинками...

Кроссовер продолжал двигаться – теперь, правда, уже совсем медленно. Стас все пытался угадать, какой из домов теперь будет принадлежать ему. Поселок оказался достаточно большим, чтобы в нем можно было затеряться. А дома, дворы и заборы не особенно отличались друг от друга. То есть отличались, но так, что невозможно было запомнить, где и что видел. Видимо, так обеспечивалась безопасность, в ее понимании руководством нового места работы...

Наконец, машина нашла коттедж, перешедший в собственность Стаса. Декоративная калитка в кованом заборе распахнулась автоматически – сетевой номер нэтфона Стаса был считан системой безопасности дома. Так же, не дожидаясь указаний, ушли вверх роллеты в воротах гаража. Все было автоматизировано, все отлажено, все для человека...

Оставив кроссовер в гараже, Стас занялся обходом дома и окружающего дом участка. Увлекательнейшее, казалось бы, занятие быстро утомило молодого человека: глаза устали от бесконечных деталей, которые хотелось заметить; эмоции притупились от избытка впечатлений; голова пошла кругом, напрасно силясь запомнить каждую приятную подробность. В доме одних только санузлов Стас насчитал пять штук! Три спальни, гостиная, кабинет, два зала, кухня, столовая, сауна, тренажерная комната, гараж, кладовые... Молодой человек совершенно не представлял, что бу-

дет делать во всех этих помещениях! Такой дом можно было урезать вдвое, и Стас совершенно не почувствовал бы разницы. А вот кредит потребовался бы вдвое меньший...

Коттедж был полностью готов к заселению – даже мебель и бытовая техника стояли на своих местах. Однако изучить, что стоит, как и где, терпения не хватило – Стас вовремя понял, что ему лучше не спешить объять необъятное. Самое разумное, что он мог сейчас сделать – это разделить радость с друзьями. За разговорами и выпивкой дальнейшее знакомство с домом прошло бы «как между делом», без напряжения и суеты.

Разумеется, коттедж поддерживал технологию беспроводного обмена данными – уже за калиткой в очках у Стаса появилась иконка-домик. Теперь пришло время заглянуть в предоставляемые иконкой функции. Вызов охраны, поливку газона, уборку комнат, управление освещением и разогрев сауны молодой человек пропустил – сейчас его интересовало содержимое холодильника. Вопреки ожиданиям, там ничего не оказалось. Пустой холодильник ссылался на список сетевых магазинов, занимающихся доставкой продуктов по месту жительства. Пройдя по ссылке, Стас обнаружил, что перед ним открылись двери супермаркетов, о существовании которых он даже и не догадывался. За элитарными коттеджными поселками закреплялись «специальные» магазины – с более высокими ценами, но и с другим ассортиментом продуктов.

Сегодня не стоило экономить на выборе супермаркета – Стас осмотрел «витрины» и составил список покупок: два ящика немецкого пива, шесть огромных омаров (наконец-то он мог наестся этим деликатесом вдоволь!), нарезку ветчины, колбасы, сыра, фрукты, торт, колу и минералку на утро...

Продукты прибыли минут через пятнадцать – словно магазин прятался где-то здесь, за деревьями леса. Парни в яркой свеженькой спецодежде сами разместили заказ на полках огромного холодильника – Стасу не надо было даже вставать с дивана.

Оставалось только позвать друзей. Дима и Вика нашлись в Сети, и их не пришлось долго уговаривать. Каждый что-то планировал на выходные, но любопытство оказалось крепче розданных обещаний. Стас мог бы забрать друзей на своей машине, но решил, что для первого опыта вождения и поездки от института до коттеджа будет достаточно. Он ограничился тем, что отправил Диме и Вике схему проезда, которой могли бы воспользоваться таксисты. Затем вошел в пункт меню КПП\посетители программы «Дом» и заполнил список гостей, чтобы избежать задержки друзей на въезде в поселок.

Размышляя над программой мероприятия, Стас решил все же разогреть сауну – пусть день был в самом разгаре, а жаркое солнце манило за пределы каменных стен – лучше было начать с парилки, нежели закончить ею. До пива или после они обязательно вспомнят о таком полезном удобстве. Тогда уж лучше до, чтобы никому потом спьяну не ста-

ЛО ПЛОХО...

Как и ожидал Стас, прибывшие через час друзья были потрясены – и поселком, и домом, и гаражом, и машиной в гараже. Даже гордый и самолюбивый Дима вынужден был признать, что откровенно завидует.

Чтобы не дать гостям прочувствовать неожиданно возникшую разницу в социальном положении, Стас поспешил раздать пиво и повел друзей в сауну. Алкоголь и жара быстро разогнали темные мысли молодых людей и вернули в компанию прежнюю непринужденную атмосферу.

После сауны провели осмотр дома, после осмотра – развалились на лежаках у бассейна во дворе.

– Не хватает только прислуги! – признался Дима, когда ему пришлось вставать за очередной бутылкой «Баварии». – Все остальное, Стас – круто! Пари ты выиграл. Скажи только, куда тебе перевести деньги?

– Оставь себе! – Порядком охмелевший к этому моменту Стас с наслаждением потянулся. – Видишь: я не нуждаюсь!

– А вот за это можно и по мордам получить! – возмутился Дима. – В деньгах мы тоже не нуждаемся. Но долг – это святое. Иначе, что за интерес заключать пари? Так не пойдет, дорогой! Сперва ты перестанешь с нами спорить, потом разговаривать, потом начнешь переходить на другую сторону улицы... В следующий раз чтобы не отказывался! Понял?!

Стас кивнул.

– То-то же! – Дима сменил тему: – Значит, говоришь, чего делают в этом НИИ, пока не узнал?

– Программы кромят на части, а части бессмысленные, – кивнул Стас. – Да мне, если честно, не особенно любопытно...

– На тебя не похоже! – отметила Вика.

– Согласен, – кивнул ей Стас. – По началу я и сам думал, что умру со скуки. Но... что ж сделаешь, если у них такие условия? Не отказываться же от всего этого? – Молодой человек обвел рукой вокруг.

– Может, лучше бы отказался! – Вика попыталась сделать серьезное лицо, что должно было указать на глубину высказанной мысли. Как обычно она ухитрилась опьянеть раньше парней, хоть и пила намного медленнее.

– «Все это», – поддерживая Вику, Дима повторил жест Стаса. – Еще ни о чем не говорит. Подумаешь: дом? Один этап жизни. Сколько их еще будет? Этот ты взял с честью. Что дальше?

– Не понял? – признался Стас.

– Что для нас важно? – спросил Дима. – Интерес! Возможность сделать следующий шаг! Осознание своего роста! А к достигнутому привыкаешь быстро. Хочется чего-то еще. А тебе-то оно не светит.

Стас наморщил лоб, удивляясь таланту Димы испортить любой праздник:

– Почему?

– Ну, как же? Как ты там говорил? «Семь квалификационных ступеней». Не догадываешься, зачем так много? – Дима многозначительно посмотрел на Стаса, словно давал ему шанс самому догадаться, а затем выпалил: – А, чтобы не рыпался! Сидишь себе, посапываешь в дудочку, получаешь стабильный доход, стареешь, дряхлеешь... Мрак!

– Ну, зачем ты так? – теперь вступилась за Стаса Вика. – Наоборот, в семи ступенях закодирована возможность постоянного роста. Всегда есть кто-то старше тебя и кто-то старше его. Всегда есть цель, которой нужно добиться. Всегда есть, на кого смотреть, у кого учиться, с кем соревноваться. Если бы в армии было всего два звания – рядовой и генерал – какой солдат мечтал бы стать генералом? Высота казалась бы недостижимой. А так: сержант, лейтенант, капитан, майор, полковник. Шаг за шагом, день за днем, ступенька за ступенькой.

– Когда хотят стимулировать рост сотрудника, ему не дают все и сразу, – объяснил Дима. – Пусть бы добивался шаг за шагом, как ты говоришь. Победа за победой, день за днем. Так нет же: вот те блага на ближайшие пятьдесят лет! Значит, хотят, чтобы остепенился, успокоился, притих.

– Не обязательно, – не согласился Стас.

– Хочешь пари?! – встрепенулся Дима. – Давай так: пять сотен тому, кто первым получит новую должность?!

– Прекрати! – возмутилась Вика. – Стас, не слушай этого провокатора! Тебя только взяли, тебе надо репутацию зара-

батывать. Прослывешь рвачом – вообще выгонят!

– Да он и сам не рискнет! – ухмыльнулся Дима. – Сам понимает, что разом добился всего, чего мог. Большого ему не дано!

– А ты и завидуешь? – поддела девушка.

– Было бы чему! – фыркнул Дима. – Я-то как раз не хочу, чтобы все мои мечты разом сбылись! Наступит пресыщение – чего еще желать, все же есть? Финиш! А в природе ничего не стоит на месте – тот, кто остановился, пополз назад. Так, что Стаса я не дразню, я о его благе забочусь... Ну что, Стас, будешь спорить?

– Ух, какой благодетель! – поморщилась Вика. – Конечно, не будет!

– Буду! – возразил Стас. – Пари принято!

– Зачем?! – Вика посмотрела на Стаса большими глазами. – Я-то думала, ты умнее! Хочешь все потерять?

Стас беззаботно рассмеялся – сейчас он чувствовал себя вторым после бога:

– Посмотри на него – иначе все равно не отвяжется!

– Принято! – поймал на слове Дима.

Вика нахмурилась, внимательно глядя на Диму:

– А что ты такой подозрительно довольный? Опять схитрил?!

Дима со смехом развел руками:

– Нет, Вика, все честно!

– Признавайся сам: в чем подвох?!

– Говорю: все по-честному!

– Что ж ты тогда так светишься?!

– Потому, что Стас проиграет.

– С чего ты это решил? – поинтересовался Стас.

– Рассказывай, раз начал! – нажала Вика. – Что там тебе наобещал папочка?

– Ну, хорошо, хорошо! – захохотал Дима. – Мне пообещали, что я получу собственную группу, как только по моей наводке выйдут на третьего сетевого преступника.

– А на двух других уже вышли? – понимая теперь, что угодил в западню, насупился Стас.

Дима подмигнул:

– Ты догадлив!

– И сколько у меня времени?

– Недели две!

– Мда...

– Ладно, не отчаивайся, – Дима снизошел до сочувствия. – У тебя будет шанс. Скажу правду. Поначалу мне повезло. Дальше может пойти не так гладко. Может, у тебя будет месяц, может, и больше – кто знает? Так, что Вика сдуй щеки – пари честное.

– А как это – «по твоей наводке»? – заинтересовалась Вика.

– Работаешь стукачом? – поддел Стас.

– Хотите знать, что я делаю? – понял Дима. Внимание друзей доставляло ему явное удовольствие. – Ладно, объясню.

Вы все пользуетесь Сетью. В Сети установлены свои правила. Куда-то можно войти, куда-то нет. За что-то нужно платить, что-то дадут просто так, а что-то не дадут ни за какие деньги. Есть информация бесплатная, есть доступная за энную сумму, есть секретная, которую не положено знать. В Сети хранятся базы данных предприятий и государств, удостоверения личности граждан, счета банков, программы управления всевозможным оборудованием от пылесоса до спутника. Пользуйся на здоровье, но... в пределах дозволенного! А наш народ не может ограничиться доступным ему пространством – обязательно кто-нибудь да проникнет в запретную зону. Каждый умник думает, что лично на него запреты не действуют. Знаете, сколько у нас в стране хакеров? А какой уровень сетевой преступности? Вот! А догадываетесь, что каждый вход в Сеть протоколируется? И каждый ваш шаг оставляет след? Оступился – специальное ПО автоматически заводит уголовное дело. Данные о твоём правонарушении подаются для анализа одному из многочисленных следственных отделов, после чего человека находят на раз, два, три. Во-первых: сетевые адреса присваиваются нэтфону только по удостоверению личности покупателя. Во-вторых: в протокол заносится не только время входа в Сеть и сетевой адрес, но и координаты нэтфона в пространстве – мы всегда знаем, где был преступник во время совершения противоправных действий. В-третьих: повсюду разбросано бесчисленное количество видеокамер, используемых разными про-

граммами управления городом; спутники сканируют местность, в целях помочь там, где недостает камер – в восьмидесяти из ста случаев мы имеем не только описание и адрес, но и изображение преступника. Так, что шансы избежать правосудия стремятся к нулю... Угадайте теперь, кого это останавливает?

– А причем здесь ты? – неприязненно поморщился Стас, показывая, насколько брезгливо он относится к подобному роду деятельности. – Ты же учился на нейропрограммиста, а не на следователя?

Дима кивнул:

– Элементарно, Уатсон! «Международный департамент по борьбе с сетевым терроризмом» находится на самой вершине этой пирамиды. К нам поступают сведения об особых случаях. Когда речь идет о преступлениях, имеющих последствия в мировых масштабах. Которые совершают по глупости. И, в отличие от остальных ведомств, мы работаем с профессиональными хакерами, с парнями, которые знают, на что идут, и что им за это светит.

– Да ты-то при чем?! – повторила вопрос Стаса Вика.

Дима заулыбался – очевидно, подошел к самой приятной для него части рассказа:

– Когда не остается другого способа вычислить нарушителя, прибегают к помощи нейропрограммиста.

– Первый раз слышу, чтобы программисты «вычисляли нарушителей»! – признался Стас.

– Если хорошенько подумаешь,образишь! – возразил Дима. – Поведение человека укладывается в некоторую схему, которую можно описать математически. По набору поступков можно построить модель поведения, а, получив модель, предсказать дальнейшие действия подозреваемого. Нарушители закона всегда выдают себя. Как бы ты не изворачивался, если знаешь, что напрашиваешься на наказание, в психологии твоего поведения это проявится. Информация лежит на поверхности, ее нужно только считать. Кому еще этим заниматься, если не нам, программистам?

– Ничего я не поняла! – призналась Вика. – Что именно ты делаешь?

– Например, есть несколько преступлений – я могу определить, являются они серией правонарушений, совершенных одним человеком, или просто схожими фактами, не имеющими между собой ничего общего. Есть подозреваемый, отслеживаемый отделом на протяжении некоторого времени. Мне приносят данные об этом человеке, его личной жизни, о том, что он ест, где и с кем спит – я строю схему и подставляю в нее преступления, в которых того подозревают. Если преступления не укладываются в схему – человек не виновен. Есть преступления, но нету обвиняемого – я могу предсказать, когда и как состоится следующее. Это – нейропрограммирование в чистом виде! Теперь ясно?

– В общем и целом – да, – скривился Стас. – И тебе это нравится??

– Конечно! – Дима даже удивился вопросу. – Как в сетевой игре – азарт, динамика, живой противник... Супер!

– Ясно. С тобой все ясно. – Стас откупорил еще одну бутылку, чтобы «запить» рассказ Димы. – Вика, ты-то, надеюсь, не за кем не охотишься?

Вика хихикнула:

– Пока нет.

– Рассказывай! – потребовал Дима. – Помню, жаловалась, что работа скучнейшая. А теперь смеешься.

– Мне понравилось, – призналась девушка.

– Понравилось что? – спросил Стас.

– Мы изучаем модели поведения масс. Как и Дима, я рассматриваю схему поведения некоторого слоя общества, чтобы затем определить наиболее вероятную реакцию этого слоя на произвольный «раздражитель»... – Вика улыбнулась подобранному ею самой слову. – Моя работа – определить, вызовет ли резонанс новый закон Думы, будет ли принят на «ура» новый автомобиль, привлечет ли внимание реклама, вызовет ли интерес фильм, будут ли носить такое платье...

– И что здесь интересного? – не понял Дима.

– Я опережаю время! – Глаза Вики засверкали от нахлынувшего на нее воодушевления. – Я раньше всех узнаю, какие тенденции предстоят в моде, какое кино будут снимать в следующем году, каких ждать неприятностей от правительства... Я имею возможность проверить собственные

идеи: мне нравятся расклешенные брюки, нравятся ли они кому-нибудь еще в Москве, в России, в мире? Если да, посылаю сообщение в любимый Дом Моды (как аналитик «Центра исследования общественного мнения» имею на это право и официальное разрешение!), а в благодарность – мне приходят брюки из самой новой коллекции!

Парни переглянулись в некотором недоумении.

– Что ж, – после паузы подытожил Стас. – Каждый получил то, что хотел!

– Однозначно! – подтвердил Дима.

– Да, наверное, – согласилась Вика.

...Пиво допивали, слушая музыку и глядя клипы – оставаясь в своих лежаках, все трое вошли на сайт коллективного, синхронного просмотра записей. Музыка полилась к ним в уши из динамиков на дужках нэтфонов, изображение передавалось на стекла очков, и всем троим казалось, что действие клипа разворачивается прямо здесь, сейчас, во дворе дома Стаса. Ребята видели и друг друга, и бассейн, и ящик с пивом и... прогуливающих между лежаками певиц известной поп-группы, и «зажигающей» где-то там, над водой бассейна, профессиональной «подтанцовки»...

Спать легли уже за полночь. Каждый наугад выбрал комнату – спален хватило на всех – и закрылся в ней, чтобы до утра провалиться в хмельное беспмятство, которое на самом деле с трудом можно было бы назвать сном.

На следующий день Стас в полной мере ощутил прелесть элитного обслуживания. Едва проснувшись, даже не приходя в сознание, он заказал себе и друзьям завтрак, а когда спустился на первый этаж – курьеры уже прибыли и ждали, когда им откроют.

Поздний завтрак, вялый разговор, купание в бассейне... В час дня Вика и Дима разъехались по домам – завтра им предстоял рабочий день, да и Стасу нужно было изучить целый ворох документов...

Теперь у Стаса появилось время, чтобы позвонить родителям. Разумеется, отец и мать захотели увидеть все собственными глазами.

Если сам Стас не удосужился детально изучить свое новое владение, родители отнеслись к этому вопросу со всей скрупулезностью, на которую были способны: заглянули в каждую комнату, исследовали каждый шкаф, опробовали каждый умывальник.

Только через два часа дошло дело до чая и разговора. Очевидно, впечатления от просмотра у отца и матери остались разные: папа выглядел суровым, мама – счастливой.

– Что скажете? – готовясь прослушать дифирамбы в свой адрес, улыбнулся Стас.

– Хочешь знать, что я думаю? – как ни странно, тон отца не предвещал ничего хорошего. – Тогда начистоту: на твоём месте я бы отказался!

– Что ты такое говоришь?! – мама едва не подпрыгнула от неожиданности – до сих пор она витала в своих мыслях и не замечала мрачного выражения на лице мужа.

– В том, Стас, что тебе предоставили коттедж, есть и хорошая и плохая сторона. Понятно, что руководство НИИ стремится привязать к себе работников. Хорошо: программисты так нужны им, что они не считаются со средствами, чтобы удержать каждого. Есть две очень большие разницы, когда ты нужен на рабочем месте, и когда просто протираешь штаны. Плохо: принимая дары, вы становитесь материально зависимыми. А зависимый человек не свободен. Пока ты им должен, они вертят тобой, как хотят. Твой оклад не позволит тебе вернуть кредит, тебе даже намекнули, что не стоит и пробовать – мол, погасим когда-нибудь сами из нашей прибыли... Я бы отказался от подарков, Стас! Пусть у тебя будет только то, что действительно принадлежит тебе!

Стас разочарованно вздохнул:

– Ну вот, и ты туда же! Дима говорит: теперь не жди роста. Ты: сделали зависимым. Скажите же хоть кто-то что-то хорошее! Я могу продать этот дом и вернуть кредит. Я могу жить здесь, пока не решу, что от меня требуют слишком многого. Где зависимость? О чем ты вообще?

– Нам с тобой в свое время пришлось начинать с нуля, – вмешалась мать. – Вот и меряем по себе. Предприятие помогает молодым кадрам стать на ноги – это прекрасно! Пусть обживется, окрепнет, женится, заведет детей – тогда и ре-

шит, пользоваться займом и дальше, или погасить уже израсходованную сумму и на этом остановиться!

– Пусть сам решает. Это его дом, его кредит, его головная боль.

– Мой дом? – Стас вспомнил, о чем хотел поговорить с родителями, едва проснулся. – А почему только мой? Вы могли бы переехать сюда!

Отец удивленно поднял брови – предложение сына не только не обрадовало, но даже возмутило его:

– Наша квартира ничем не хуже, Стас! И она принадлежит нам, а не банку!

– Я тоже люблю свою квартиру – я там вырос, но здесь слишком много места для одного! Здесь свежий воздух, сад. Мы могли бы жить вместе! Мама?

Мать тоже покачала головой:

– Отец прав. Нам привычнее дома. А тебе нужно становиться мужчиной. Даже хорошо, что так получилось – иначе, когда бы обзавелся личным пространством?

Глава 6

На следующий день, выбравшись за ворота своего участка, Стас и его кроссовер оказались в длинной чередке машин разных цветов и моделей одной ценовой категории. Машины соседей по коттеджам направлялись в ту же сторону и, как вскоре выяснилось, ехали в то же самое место. Очевидно, НИИ принадлежал весь коттеджный поселок, а все жители поселка являлись работниками института.

Картежом, одна за другой, машины соседей Стаса и его собственная въехали в Москву, свернули в парковую зону, прошли КПП НИИ и нырнули в туннель, ведущий на подземный паркинг, где, наконец, рассредоточились – каждый автомобиль занял свое, специально ему отведенное место.

Прием на новом месте работы нельзя было назвать ни сухим, ни радушным – его просто не было. В фойе новичка ждал Глеб Иванович – руководитель группы и непосредственный руководитель Стаса, который проводил молодого человека к его кабинету и оставил там одного – наедине со «специализированным персональным комплексом». Все, что отметил для себя Стас – ему выделили личное пространство, а не секцию в одном большом общем зале. За дверью, на которой красовалась табличка «Отдел № 6, группа № 2», находилось около десяти таких кабинетов. Один украшала надпись «Руководитель группы», остальные безлико нуме-

ровались четырехзначными числами...

До самого обеда Стас никого не видел и ни с кем не разговаривал. Как и раньше, во время карантина, его ждала задача, которую нужно было решить в течении рабочего дня. Как и раньше, на решение задачи Стас потратил час времени, после чего бездельничал, размышляя о том, был ли прав Дима, утверждая, что в этой казарме не предусмотрена возможность быстрого карьерного роста. Явно не стоило спрашивать об этом в первый же день работы...

Обед проходил в ресторане, рассчитанном, судя по всему, ни на одну тысячу человек. Теперь Стас мог изучить свой коллектив: прилично одетые, вежливые, культурные люди в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти лет. Две трети – мужчины, одна треть – женщины. Лица одухотворенные, интересные, глаза не пустые, как у людей на улице. У охранников и обслуживающего персонала собственная униформа. Их много – не менее пяти процентов от общего числа обедающих.

Руководство сидело отдельно, простые исполнители – отдельно. Руководители групп, судя по всему, причислялись к простым исполнителям – Глеб Иванович предложил Стасу сесть рядом с ним, видимо, чтобы предупредить возможные вопросы новичка.

Что выбивалось из привычных представлений Стаса об обедающих в общественном месте людях: мало у кого глаза скрывали нэтфоны. Задавшись вопросом, как же в таком

случае здесь заказывают меню, Стас обнаружил сенсорный экран, вмонтированный в стол. Сделанный с помощью этого экрана заказ принесли через минуту после нажатия на кнопку «Ок». Блюда и на вид и на вкус впечатляли – впрочем, Стас уже успел привыкнуть к местной кухне за время своего двухнедельного заточения.

– Как работается? Справляетесь? – чтобы как-то проявить участие, поинтересовался Глеб Иванович.

Руководитель группы казался не намного старше Стаса – ему можно было дать лет тридцать, никак не больше. Почему-то этот человек не вызывал у новичка особого уважения. Другое дело – второй сосед по столу – усатый, солидный мужчина, производящий впечатление эпического мудреца из старорусских сказаний. Этот человек ел молча и смотрел в никуда, но наверняка видел и отмечал для себя каждую мелочь.

– С чем там справляться? – удивился Стас.

– Вы все уже сделали? – понял руководитель группы.

– Да эти задачи на час работы.

– Хотите получить следующее задание?

– Можно. Нужно же мне чем-то заниматься?

– Хорошо, дадим.

В глазах Глеба Ивановича читалось явное неодобрение бахвальству молодого специалиста. Зато сосед по столу посмотрел на Стаса с некоторым интересом.

– Алексей Павлович! – представился он, протягивая ру-

ку. – Ваш коллега.

– Станислав. – Стас с удовольствием ответил на рукопожатие. – Вы...

– Нет, не руководитель. – Мужчина улыбнулся. – Старый программист, наверное, самый старый в этом заведении.

– Самый опытный, – поправил Глеб Иванович. – Если будут трудности, обращайтесь – Алексей Павлович всегда вам поможет. Его кабинет через дверь от вашего... Я правильно говорю, Алексей Павлович?

– Думаю, мы подружмся, – добродушно сощурившись, кивнул Алексей Павлович.

– Буду рад! – честно признался Стас. В усатом программисте прошлой эпохи было нечто необъяснимо притягательное – молодой человек невольно почувствовал к нему расположение.

После обеда молодому человеку прислали новое задание, которое, по непонятной Стасу причине, оказалось не более трудоемким, чем утреннее. До шести часов вечера Стас убивал время, развлекаясь с программами, доступными во внутренней сети института, и раздумывая над вопросом, почему работа по специальности оказалась легче учебы в университете. Задания в составе интерактивного курса занимали голову молодого человека на несколько дней и даже недель, задачи же действующего и процветающего НИИ щелкались им, как орешки. Тяжело в ученье, легко в бою? За что же здесь тогда столько платили?

Последовавшая за первым днем работы неделя не ознаменовалась ничем особенным: тишина отдельного кабинета, одна задача до обеда, одна после и вялый, обедненный информацией, разговор за столом во время перерыва.

Жаждавший выиграть спор Стас исполнял две задачи в день, зная, что многие вполне довольствуются одной. «Повышенная» производительность должна была указать руководителю на неординарные способности нового подчиненного, но тот словно ничего не замечал. Хочешь делать двойную работу – делай; не хочешь – ради бога, хватит с тебя стандартной нормы. Можно было предположить, что Стаса все еще испытывали, или, что институт в данный момент исполнял заказ, не требующий от работников особого напряжения: сегодня все отдохали, в другой день будет не до отдыха. Но, если так, почему нельзя попросту было объяснить Стасу правила игры? Видели же, что он стремится проявить себя? Видели же, что хочет и может работать лучше, чем другие молодые специалисты?

Дима отметил точно: Стасу сразу же дали все, чего бы ему хотелось добиться за годы усердной работы. Теперь молодой человек начинал опасаться, что друг прав во всех своих предположениях. Институт и в самом деле напоминал зарастающее тиной озеро. Время шло, Дима сражался за свое будущее, Стас терпеливо ждал, а руководитель группы держался так, словно его не интересовало, перевыполняет ра-

ботник норму или, напротив, не укладывается в отведенный для него график...

За обедом в понедельник второй недели Стас наконец сдался:

– Вы, наверное, заметили, что я большую часть дня бездельничаю? – стараясь подавить в себе раздражение безынициативностью начальника, поинтересовался он у Глеба Ивановича. – Вам не приходит в голову, что это не правильно?

Ответом стал долгий неприязненный взгляд старшего по званию, который так и знал, что ему начнут докучать глупостями.

– Если у вас остается время, то отдохайте – вы это заслужили, – посоветовал руководитель группы. – А еще лучше, учитесь – используйте бреши в загрузке, чтобы поднять собственную квалификацию.

– А какой смысл мне учиться, если я и без того программирую быстрее, чем у вас здесь принято?! – Стас едва сдержался, чтобы не сказать большего.

Глеб Иванович положил вилку и с секунду размышлял, сверля новичка глазами.

– Считаете, что владеете неким особым методом?

– Вот именно! – Стас без страха встретил глаза в глаза взгляд начальника.

– И хотите, чтобы ваше ноу-хау приняли на вооружение в институте? Официально, с вынесением благодарности

и так далее?

– Да!

– Хорошо. Тогда коротко: в чем состоит ваша методика?

Стас замер с открытым ртом, обнаруживая, что спор свернул совсем не в ту сторону: Стасу хотелось выделиться из общей массы, а не придумать, как поднять массы до своего уровня.

– Чувствую, с чего начать, а дальше само получается. Смелка, интуиция...

– То есть на самом деле ничего конструктивного предложить не в силах?

– Предложить – нет. Но могу сделать!

– Вот и делайте! – Руководитель вновь взялся за свою вилку. – Работайте! Исполняйте, что от вас требуют, и не выделяйтесь. Придет еще ваше время!

Стас глубоко вздохнул, чтобы как-то справиться с возмущением.

– Время? А сколько нужно времени, чтобы заработать шестую категорию?

– Два года...

– Что?! – Стас едва не вскочил на ноги, считая, что унижений за один обед ему хватит. – А быстрее никак?! Вы – руководитель группы, но я успеваю сделать два задания за то время, что вы делаете одно! Почему меня нельзя сразу поднять в должности и загрузить работой, на которую я способен?!

Глеб Иванович тоже перестал скрывать раздражение и повысил голос:

– Забудьте бы свой юношеский максимализм – здесь трудятся профессионалы, а не карьеристы! А вот если хотите оказаться на улице – можете продолжать в том же духе! И, в следующий раз, пожалуйста, присядьте за другой столик – вы и мое пищеварение не совместимы!

Не дожидаясь, пока Стас найдет, что ответить, руководитель группы поднялся и пересел за другой свободный стол.

– Не берите в голову, – проводив непосредственного начальника глазами, посоветовал Алексей Павлович – до инцидента они так и сидели втроем: Стас, Алексей Павлович и Глеб Иванович.

– Вы думаете? – молодой человек остывал, запоздало осмысливая, что может последовать за этой нелепой ссорой.

– Здесь коммерческая структура – качество и количество всегда в центре внимания. Не спешите, и у вас все получится. Только, если не секрет: в чем причина вашего недовольства? Вы хотите больше зарабатывать?

– Нет. Мне хватает...

– Тогда зачем вам новая должность? – Алексей Павлович пожал плечами: – У меня первая категория – не могу сказать, что, имея вторую, жил хуже!

– Самоуважение, – объяснил Стас. – Не хочу застрять на самой нижней ступеньке лестницы!

– Вот как. А вы не слишком торопитесь? Даже, если у вас

получится – начнут завидовать, назовут выскочкой. Наживете врагов. Вам это нужно?

– Но, если я уже сейчас могу выполнять более сложную работу? – возразил Стас. – Если мне уже сейчас не интересны задания, которые предназначены для начинающих?

– Не волнуйтесь так, Станислав, – усач расплылся в доброй улыбке. – Заметят ваше рвение, обязательно заметят. Уже заметили. Два года – это он вас пугал. Пять-шесть месяцев, и отпразднуете повышение... – Алексей Павлович подмигнул: – Если, конечно, еще раньше не поймете, что не титул делает короля королем!

Но и пять, и, тем более, шесть месяцев означали поражение в споре и подтверждение правоты Димы. Если бы виной тому стали объективные причины, Стас мог бы еще опустить руки. Но он не считал достойным сдаться из-за такой глупости, как заторможенность непосредственного начальника. Стас ведь не просил его сделать себе одолжение, он требовал справедливости, действовал в интересах своего работодателя! Даже не будь этого глупого спора с Димой, Стас не мог позволить обращаться с собой, как с бесправным и несмышленным ребенком!

Еще с неделю, после инцидента в столовой, молодой человек сдерживал эмоции, надеясь в душе, что руководитель группы сам сменит гнев на милость и примет решение, которое пойдет на пользу и новичку и организации. Но Глеб Ива-

нович решил сделать вид, что никакого разговора не было. Стас продолжал выполнять два задания в день, затрачивая на них от двух до трех часов своего рабочего времени, а руководитель группы продолжал давать Стасу одно элементарное задание утром и такое же простое – после обеда.

Во вторник третьей недели Стас решил, что ждать дольше – это уж слишком. Он набрался храбрости, покинул свое рабочее место и нанес «официальный» визит в кабинет к непосредственному руководителю.

– Вы с тем же вопросом? – сразу поинтересовался у него Глеб Иванович.

– И да, и нет, – сообщил Стас. – Я решил, что не буду больше вас беспокоить. Хочу только спросить, могу ли я обратиться не к вам, а напрямую к начальнику отдела?

Руководитель группы поразился настырности нового сотрудника, но ответил спокойно:

– Только через меня и в официальной форме.

– То есть?

– Пишите письмо на мое имя, отправляете по электронной почте. Я изучаю, в трехдневный срок делаю заключение. Если прихожу к выводу, что это необходимо, обращаюсь к начальнику отдела. Если прихожу к противоположному выводу – отправляю вам отказ в письменном виде. Но учтите: официальный отрицательный ответ – что мой, что начальника отдела – останется темным пятном в вашем чистеньком пока еще личном деле: вся наша корпоративная пе-

реписка протоколируется.

– Но ведь мы с вами уже разговаривали, – напомнил Стас. – И я прекрасно знаю, что вы откажете. Зачем мне тратить время и писать письма, которые, к тому же, испортят мое личное дело? Что, если я сам, лично, обращусь к начальнику отдела?

– Он не примет вас. Я получу выговор. Мы оба лишимся премиальных. Довольны?

– А если я напишу, но не вам, а ему?

Глеб Иванович улыбнулся наивности подчиненного:

– Если сумеете – пожалуйста!

– Не понял? – насторожился Стас.

– Вам доступны адреса только младших сотрудников и непосредственного руководителя. Вы внимательно читали устав, Станислав Александрович? Недовольны – пишите! Не знаете, как писать – читайте Устав!

Понимая всю бессмысленность этого поступка, Стас, между тем, не собирался сдаваться – он все же написал письмо на имя начальника отдела; указал в нем, что реализует себя не в полную силу, попросил усложнить присылаемые ему задания и, соответственно, поднять квалификационный уровень. Через три дня письмо вернулось с пометкой руководителя группы «Информация принята к сведению. Благодарю за проявленную инициативу». Вероятно, это нужно было понимать, как отказ, который не особенно «очернит лич-

ное дело» Стаса.

Ответ был дан в вежливой форме, но молодой человек почувствовал себя так, словно ему прилюдно дали пощечину. Во-первых: почему Глеб не смог ответить ему в тот же день, а заставил ждать трое суток? Во-вторых: зачем он вообще сказал Стасу писать письмо, если не собирался менять своего мнения и даже задуматься о просьбе своего подчиненного? И, наконец, в-третьих: кто такой этот Глеб, чтобы ломать людям жизнь и препятствовать карьерному росту высококлассных молодых кадров? Чем он вообще мотивировался? Боялся, что так его скоро потеснят с занимаемого места или хотел, чтобы все прошли через трудности, которые когда-то пришлось испытать ему самому?..

Так или иначе, думая о Глебе Ивановиче, Стас все больше приходил в бешенство, все более утверждался в убеждении, что стал жертвой глупого истерического деспотизма мелкой и ничего не представляющей из себя административной сошки. Но... если Стас прав, а его оппонент – нет...

Одного человека можно было и обойти! Еще раз перечитав запрос и ответ, Стас пришел к выводу, что не только может, но даже обязан принять меры по защите собственных прав – это было в интересах и самого Стаса и всего института.

Да, он не мог адресовать сообщение непосредственно начальнику отдела – на это имел право только руководитель группы. Значит, нужно было создать условия, при которых

письмо уйдет не с компьютера Стаса, а с «персонального вычислительного комплекса» Глеба Ивановича.

Как? Письмо представляло собой документ, подготовленный на распространенном текстовом процессоре. Резолюция внизу документа выставлялась автоматически – руководитель группы открывал текст, чем приводил в действие программу, упрощающую ввод резолюции и напоминающую, что ввод таковой является обязательным. Но, если при открытии письма на выполнение отправлялась одна программа, Стасу ничего не стоило прикрепить к письму и другую!

Стас вполне мог написать код, который перешлет письмо дальше в тот же момент, когда руководитель группы увидит текст на экране своего компьютера. И в этом не было ничего сложного. Как узнать, какой из адресов в адресной книге руководителя соответствует начальнику Глеба Ивановича? Стас заглянул в собственную адресную книгу. Письма от разных адресатов имели разный уровень приоритета. Самый высокий предоставлялся руководителю группы – непосредственному начальнику Стаса... Тогда кому будет присвоен максимальный уровень важности на компьютере Глеба Ивановича? Разумеется, его начальнику, то есть тому, кого искал Стас!

Программа была готова быстрее, чем стих первый порыв юношеского гнева. Не успев хорошенько взвесить все за и против, Стас изменил заголовок письма, чтобы руководитель отдела не подумал, что ему дважды выслали одно

и то же, и, уверенный, что поступает правильно, дал почтовой программе команду «отправить».

И только, когда письмо ушло по внутренней сети института, в душу Стасу закралась тень сомнения: что, если второпях он упустил что-то важное? Молодой человек попытался проанализировать, какая неосознанная мысль портит ему настроение, но пришел к выводу, что поступил против правил института и потому боится разоблачения. Но, если разобраться, какие шансы были у руководителя группы почуять неладное? И что он, Стас, сделал предосудительного? Наоборот – он был обязан доложить руководству, что способен приносить больше дохода, нежели приносил, находясь под «заботливым крылышком» Глеба Ивановича! Если непосредственный начальник отказывался помочь, наказать за вынужденный обход устава нужно было не Стаса, а плохого начальника!

В центре информационного зала работал голографический проектор, вырисовывая трехмерное изображение светловолосого, худощавого молодого человека. Вокруг изображения, в креслах, располагались оперативные работники отдела. Дима рассказывал о результатах проведенной им экспертизы, подводя историю к блестящему, на его взгляд, финалу. В этот момент в комнату вошли двое: высокий, статный, в хорошем сером костюме мужчина лет сорока пяти – глава департамента и отец Димы, и плечистый господин

в офицерском мундире, с мощным лысым черепом и седыми бровями. Слушатели резко вскочили на ноги, вытягиваясь перед старшими офицерами.

– Попрошу всех выйти! – скомандовал глава департамента.

– Но я как раз заканчивал, – остановил отца Дима. – Дай нам еще пять минут?

– Сами разберутся! – отец кивнул подчиненным, чтобы поторапливались. – А тебя ждет другая работа.

– Но он уже у меня в руках... – поймав взгляд отца, Дима осекся и посмотрел на спутника главы департамента. – Прошу прощения! Я готов выслушать.

Отец удовлетворенно кивнул офицеру, и оба сели, подвинув кресла, чтобы всем троем оказаться друг напротив друга.

– Сними контактные линзы и одень вот это! – Владимир Сергеевич протянул сыну очки нэтфона, которые принес с собой.

– Увесистый... – прежде, чем надеть, Дима осмотрел прибор. Он чувствовал себя генералом, у которого отняли победу, и все еще надеялся, что отец передумает.

– Надевай, Надевай! – подбодрил начальник департамента. – Немного громоздкий, зато изолирован от глобальной Сети. Приемно-передатчик работает по выделенному, закодированному каналу – связь только с серверами департамента... Готов?

– Да.

– Документы видишь?

– Дело? Вижу.

– Открой! Прочти! Выскажи свое мнение!

– Кто это?

– Подозреваемый.

– В чем? Тут сказано... – Дима в некотором недоумении взглянул поверх очков, словно предположил, что очки вращаются.

– Вот именно, Дмитрий, в нейропрограммировании. Хакеров и жуликов пусть ловят подразделения МВД – это их контингент. У нас другая клиентура. Для этого и нужны спецы вроде тебя.

– Мы используем нейропрограммистов, чтобы ловить нейропрограммистов. – присоединился офицер.

– Я вас не представил, – поправился Владимир Сергеевич. – Полковник ФСБ, Степанов Дмитрий Петрович. Твой теска. Будете работать вместе.

Пожимая руку полковнику, Дима помрачнел – проделанная работа, как и надежды на скорое повышение оказались пустыми.

– Но ты же говорил, что я получу подразделение, когда выйду на третьего нарушителя? – не смог смолчать молодой человек.

– Вот и поработай консультантом. Справишься – получишь свободу действий и собственную группу. Как договоришься.

ривались.

– Нам нужно проверить этого человека, – вернул внимание собеседников к основной теме разговора полковник.

– Да. – Дима вновь заглянул в досье на экране своего нэтфона. – Кто он?

– Преуспевающий бизнесмен.

– А в чем обвиняется?

– В преуспевании. Нереально высокие показатели финансового роста. Версия: применение технологии нейропрограммирования для воздействия на партнеров по бизнесу.

– На партнеров по бизнесу? – Дима улыбнулся неосведомленности руководства. – Каким образом? Программирование – не гипноз. Для записи программы нужно время. Не мог же этот бизнесмен каждый день собирать конкурентов за банкетным столом и капать им в бокалы структурированную воду?

– Тоже не исключено. – Владимир Сергеевич остался серьезным, игнорируя сарказм сына. – Но, есть и другой вариант. Чтобы вызвать доверие партнеров и запугать конкурентов, подозреваемый мог воздействовать не на них, а на себя. Создать новый образ, который бы изменил отношение к нему самому и его предприятию.

– А это незаконно? – удивился Дима.

Полковник подсел к молодому человеку поближе, словно хотел обсудить с ним нечто интимное.

– Скажите, – доверительно тихим голосом поинтересо-

вался офицер. – Если боец, закончивший школу боевых искусств, убивает противника в уличной драке, это преступление?

– Да, но ведь этот никого не убил?..

– А если грабитель, угрожая оружием, требует отдать ему одежду и драгоценности, это преступление?

– Да...

– А если нейропрограммист, владея недоступными другим знаниями, вынуждает жертву отдать одежду и драгоценности по доброй воле, от чистого, так сказать, сердца, это преступление?

Дима откинулся в кресле, чтобы оказаться подальше от напористого офицера и поразмыслить над логикой его вопроса.

– По совести – да, но юридически – не думаю, – рассудил молодой человек. – Я никогда не слышал, чтобы кого-то обвинили в экспериментах по нейропрограммированию. Программист действительно может изменить себя так, чтобы вызвать симпатию у важного для него субъекта, а, вызвав симпатию, попросить у того одолжения, в котором ему не откажут. Наверное, может. Но не слышал, чтобы за это судили.

Полковник тоже отклонился в кресле и посмотрел на главу департамента. Его взгляд выражал глубокое удовлетворение уровнем подготовки и сообразительностью сына.

– Все, что ты услышишь или сделаешь с этой минуты, Дмитрий, – строго предупредил отец. – Является государ-

ственной тайной. Ни при каких обстоятельствах информация не должна выйти за эти стены. Понял?

– Да.

– Отлично. – Владимир Сергеевич посмотрел на полковника.

Офицер вновь перенял эстафету:

– Вы верно сказали. Ни один нейропрограммист не предстал перед судом. Во всяком случае, ни один такой суд не был освещен в прессе. Мы избегаем огласки, чтобы не подсказать нечистым на руку людям легкий для них и труднодоказуемый для нас способ разбогатеть за чужой счет. В правительстве опасаются, чтобы преступления такого рода не приобрели массовый характер. В настоящее время мы имеем до пяти преступников по городу в год – это не много, такое количество можно контролировать.

– Я тебе объясню суть проблемы, – присоединился Владимир Сергеевич. – Вот, смотри! Существует некоторое количество материальных ценностей – в городе, в стране, в мире. Что происходит, когда кто-то из нас стремительно богатеет? Ценностей прибавляется? Ничего подобного. Соотношение производительность-потребление в мировом масштабе остаются на том же уровне. Тогда откуда у счастливого человека деньги? От тебя и меня. Он стал богаче, мы беднее – чтобы где-то прибавилось, где-то должно убавиться. Если новоиспеченный миллионер – неожиданно вспыхнувшая звезда, талант – его успех можно принять, как должное. Человек достиг вер-

шины, борясь за свое будущее на равных с нами условиях. Но, если он ничего из себя не представляет, ничего не дает нам взамен, и использует методы, перед которыми мы беззащитны, заставляя нас с тобой опустошить карман против своего желания, он – преступник. И он не только делает тебя и меня беднее, он угрожает балансу, установившемуся в мировой экономике. Если этот баланс нарушить, получим перепроизводство, миллионы разорившихся предпринимателей и миллиарды голодных тружеников... Понимаешь?

– Думаю, да...

– Тогда перейдем к делу! – Лицо полковника приняло суровое выражение. – Скажите, Дмитрий Владимирович, вы сможете определить: является резкое изменение общественного положения подозреваемого результатом воздействия на него или его окружение неких программных средств, или мы имеем законопослушного гражданина, заслуживающего уважения за свой трудовой подвиг?

Дима на минуту задумался.

– В принципе, да. – Он не был уверен, но полагал, что рассуждает правильно. – Если проанализировать ряд поступков объекта исследования, можно построить модель, описывающую последовательность происшедших с ним изменений. Если в последовательности выявится математический порядок... Но ведь подозреваемый может пользоваться программами на законных основаниях? Медицинскими, например?

– И даже не одной, – подтвердил отец. – По необходимо-

сти или стремясь сбить тебя и меня со следа – как правило, они талантливые ребята. Тебе же из разнообразия направляющих воздействий, ведущих наших героев к успеху, нужно выделить те, что ставят их в неравные условия с конкурентами.

– Это уже сложнее... – Дима, наконец, осознал, чего от него ждут.

– Ну что ж. Никто и не говорил, что будет легко! – Владимир Сергеевич поднялся и ободряюще хлопнул сына по плечу. – Работай!

Вика тоже наконец получила свое первое серьезное поручение. Ей прислали текст законопроекта о введении дополнительного налога на продажу питьевой воды. Задача состояла в следующем: определить, как отреагируют на закон массы. Предполагалось, что поднятие цены на продукт массового потребления вызовет недовольство и акции протеста.

В качестве исходных данных в «Центре исследования общественного мнения» использовали обширный материал, накапливающийся естественным образом, во время посещения гражданами тех или иных сайтов. Каждый пользователь нэтфона постоянно, до тысячи раз в день делал выбор: на какую страницу заглянуть, что прочитать, какую музыку слушать, какой фильм смотреть, какие новости отслеживать, какие сообщения игнорировать. Никого ни о чем не спрашивали, но отношение человека к действительности выяв-

ляла обыкновенная статистика его предпочтений и антипатий. Социологические службы с помощью специализированного программного обеспечения получали средний показатель по региону и хранили его для построения в дальнейшем обобщенной модели поведения массы людей в целом. Имея готовую модель, Вике достаточно было ввести в нее информацию о переменах, которыми грозил присланный для анализа законопроект.

На задачу отводилась неделя, но Вика потратила на нее всего день – очень уж ей хотелось поскорее проявить себя в настоящей работе. Оставалось только подготовить отчет. Подбив результаты, Вика сделала окончательный вывод: население воспримет введение нового налога с пониманием. Ей самой такой результат не показался странным: питьевая вода – основа здорового состояния горожан; ввод налога позволял с одной стороны снизить расход воды за счет ее экономии, с другой – дать государству средства на разработку новых технологий очистки и добычи такого необходимого каждому живому существу природного ресурса... Но тогда возникал вопрос: зачем вообще тратились деньги на исследование реакции населения, которое, по здравому размышлению, не могло отреагировать никак иначе? Любопытствуя, Вика порылась в архивах Центра. Оказывается, законопроект выносился на рассмотрение Думы уже второй раз. Раньше, шесть лет назад, он вызвал у граждан настоящую бурю негодования, вследствие чего был поспешно отправлен

на доработку и, в итоге, предан забвению. Вика улыбнулась. Уровень самосознания масс рос, и это радовало, даря надежду на перемены к лучшему.

Глава 7

И все же ошибка была допущена. Руководитель группы открыл документ с прошением Стаса, запущенная программа обнаружила в списке адресатов почтовой программы человека с максимальным приоритетом и переслала письмо ему, используя в качестве имени отправителя имя предыдущего получателя, то есть Глеба Юрьевича. Так и было задумано. Но когда прошение молодого специалиста открыл начальник отдела, цепочка не оборвалась – макрос повторил свою работу и отправил письмо дальше, теперь уже начальнику сектора...

В итоге, прошение Стаса попало не только тому, кому предназначалось. Оно прошло путь до самой вершины и легло на стол к генеральному директору института. У генерального директора не возникло сомнений в правомерности действий отправителя – отправителем значился директор по научной работе. Однако в письме генеральный директор увидел обращение рядового сотрудника к рядовому начальнику шестого отдела. Выходило, начальник отдела счел поднятую в письме проблему настолько важной, что передал ее на рассмотрение начальнику сектора. Тот – заму главного инженера. Зам главного инженера – главному инженеру, главный инженер – директору по науке, директор по науке – генеральному директору института. И ни один из руководящего

состава не сумел принять самостоятельное решение!

История заинтриговала генерального. Но содержимое письма не раскрыло ему сути проблемы. Желая разобраться, в чем причина такого серьезного внимания к новичку, генеральный директор вызвал к себе заместителя – директора по науке.

– Рассказывайте! – потребовал он.

Но директор по науке не знал, зачем его вызвали.

– Семен Геннадьевич! – генеральный неодобрительно нахмурился. – Посмотрите, это ваше письмо?!

Зам по науке задрожал:

– Мое, то есть от меня, Анатолий Михайлович... Но я вам его не отправлял...

– Как это нужно понимать? – удивился Анатолий Михайлович.

– Я получил письмо от главного инженера. Тот тоже заявил, что сам не знает, как инициировал отправление – мол, ничего и никому не посылал. Его заместитель также отрицает свою причастность к происходящему.

– Угу... – Анатолий Михайлович откинулся в кресле и несколько раз постучал золоченым стилусом, которым обычно подписывал документы, по столу, что означало: «вы все тратите мое время!». – Куда ведет ниточка?

– До руководителя группы. Первое письмо предназначалось ему. В письме некий молодой специалист просил передать начальнику отдела, что его недостаточно нагружают ра-

ботой и...

– Я знаю, что в письме – уже прочел... Кто этот «молодой специалист»?! – Анатолий Михайлович прервался и помахал стилусом из стороны в сторону, что означало: «можешь не отвечать». – Так понимаю, вопрос не к вам. Если больше ничего не знаете, свободны. Пригласите только ко мне Артура Николаевича, и еще – пусть служба безопасности даст заключение, как это возможно, что письма гуляют по институту, как им самим вздумается!

Отчет службы безопасности возник в почтовом ящике директора, едва только зам по науке шагнул за порог лифта – видимо кто-то из лиц, попавших в цепочку прохождения письма, первым проинформировал Бодова о непорядках.

– Оперативно... – сам себе одобрил Анатолий Михайлович.

– А, Артур? – генеральный директор оторвался от текста отчета, когда из открывшегося лифта появился его заместитель по кадрам. – Ты-то небось догадываешься, почему вызвал?

– Совсем чуть-чуть, Анатолий Михайлович.

– Письма ты не получал?

– Нет.

– Тогда кратко: тут у нас один твой знакомый требует к себе пристального внимания.

– Мой знакомый?

– Молодой специалист, определенный тобой в шестой от-

дел. – По команде директора над столом появилась голограмма Стаса.

– Понятно. Новенький. Три недели как начал работу. Что он натворил?

– Разослал по почте вирус... Так сказано в отчете Бодова.

– Вирус? – директор по кадрам нахмурился, возможно, считая, что речь идет о его личном упущении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.